

КРОКОДИЛ

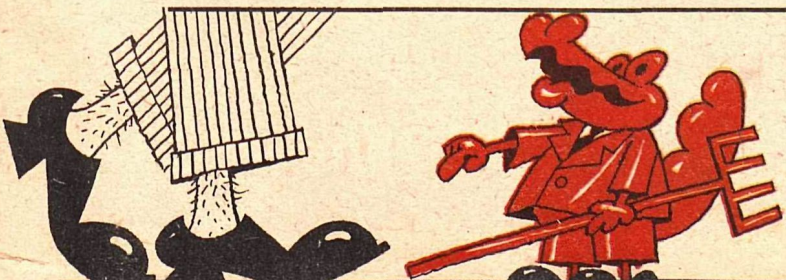
ISSN 0130-2671

№ 15

МАЙ 1990

С. ХАСАБОВ, г. Ростов-на-Дону. На конкурс «ГЛАЗАМИ ГЛАСНОСТИ».

**Высокий блондин в черном
ботинке, но без носка.**

Стр. 4.

КРОКОДИЛ

№ 15 (2673)

МАЙ 1990

ИЗДАЕТСЯ
С ИЮНЯ
1922 ГОДАИЗДАНИЕ
ГАЗЕТЫ
«ПРАВДА»Главный редактор
А. С. ПЬЯНОВ.РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ:

М. А. АБРАМОВ,
А. В. АНИКИЕВ,
Ю. Б. БОРИН,
В. Г. ДЕМИН,
О. М. ДМИТРИЕВ,
Б. Е. ЕФИМОВ,
М. Г. КАЗОВСКИЙ,
Р. Т. КИРЕЕВ,
В. Г. ПОБЕДНОСЦЕВ
(ответственный секретарь),
Э. И. ПОЛАНСКИЙ,
В. И. СВИРИДОВ
(зам. главного редактора),
С. С. СПАССКИЙ
(главный художник),
А. А. СУКОЦЕВ,
Л. Л. ФЛОРЕНТЬЕВ,
А. И. ХОДАНОВ
(зам. главного редактора).

Технический редактор
В. П. БОРИСОВА.ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ
ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ

Редакция не рецензирует
присланные литературные
и изобразительные материалы.
Рукописи объемом меньше
2 печатных листов
не возвращаются.

НАШ АДРЕС: 101455,
ГСП-4, Москва,
Бумажный проезд, д. 14.

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛОВ:
экономики — 250-46-68,
морали и права — 250-16-63,
литературы — 250-09-70,
писем — 212-13-93,
международного — 250-45-78,
художественного — 212-30-00.
Приемная — 250-10-86.

Сдано в набор 19.04.90.
Подписано к печати 26.04.90.
А 00281.
Формат бумаги 70×108%.
Бумага офсетная.
Офсетная печать.
Усл. печ. л. 2,80.
Усл. кр.-отт. 11,20.
Уч.-изд. л. 4,54.
Тираж 5 050 000 экз.
(1-й завод: 1 — 2 450 020).
Зак. № 2226.
Цена 30 коп.

Ордена Ленина и ордена
Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда»,
125865, ГСП, Москва, А-137,
ул. «Правды», 24.

© Издательство ЦК КПСС
«Правда».
«Крокодил». 1990.

Три года назад читатель В. Новиков из Калининградской области задал Крокодилу вопрос: почему на наших прилавках нет мяса? Неужели наша область его не производит?

И в № 13 за 1987 год я разъяснил тов. Новикову, сколько мяса производят калининградские колхозы и совхозы, а также сколько и куда идет. При этом привел любопытную цифру: за предыдущий год в области пало 12 тысяч телят. И вдвое больше свиней.

Честно говоря, я не ожидал такой атаки со стороны читателей после этой заметки (она называлась «Вырезка или вывеска?»). Читатели из многих областей обрушились на меня с гневными письмами: дескать, как вам не стыдно защищать столичных чиновников, которые так несправедливо распределяют мясные ресурсы! Большинство сходилось во мнении: это москвичи едят наше мясо! А иные даже подозревали, что я продаюсь центральным ведомствам, распределяющим продукты...

Но вот спустя три года пришло новое письмо из того же Калининграда. Правда, на этот раз писал не Новиков, а Н. Хомяков, который подписался так: «Юный пенсионер, член КПСС с 1959 года». И пишет этот «юный пенсионер», что он тогда, в 1987 году, обиделся на меня «и подумал, что если такой подход центрального сатирического журнала будет и к другим областям, то и в Москве тоже мяса не будет».

Но публикация в областной газете «Калининградская правда» от 15 декабря 1989 года круто изменила мнение тов. Хомякова. После этой публикации «юный пенсионер» понял, что дело, оказывается, не в зловерном «центре», который неправильно распределяет, а совсем в другом.

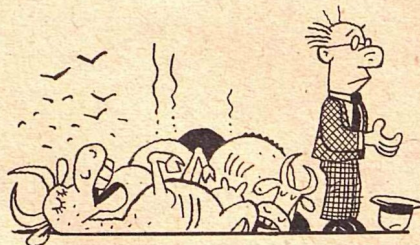
Что же это за публикация?

В газете было напечатано интервью с заместителем председателя облисполкома, начальником главного планово-экономического управления этого исполкома Л. В. Демачевым под заголовком «Сделать богаче продовольственный прилавок».

Так вот, Леонид Васильевич (три года назад он был завсельхозотделом обкома партии, а ныне стал главным

С ПРОТЯНУТОЙ РУКОЙ

живет богатая Калининградская область

плановиком экономики в области) сообщает читателям, что «поставлена задача в течение пяти ближайших лет обеспечить стабильную торговлю мясом и мясными изделиями, расширить ассортимент молочной и рыбной продукции». В связи с чем «области выделено из госресурсов 3 тысячи тонн мяса и 1,5 тысячи тонн масла животного...».

Вслед за этим радостным сообщением тов. Демачев информирует читателей областной газеты, что «крупным источником пополнения мясных ресурсов является сокращение падежа скота, повышение его сдаточных кондиций. Думаю, — продолжает Леонид Васильевич, — читатели со мной согласятся, что не годится по этой причине терять нам ежегодно по 15—17 тысяч голов крупного рогатого скота и по 18—20 тысяч голов свиней».

Вот эта-то цифра и поразила воображение «юного пенсионера» Н. Хомякова. Он, разумеется, согласен, что не годится терять огромное количество скота по причине падежа. Но никак не

может взять в толк, почему этот падеж происходит.

Тем более что за три года напряженной работы тов. Демачева на ответственных постах в обкоме и облисполкоме падеж скота значительно возрос. И достиг таких масштабов, что теперь в Калининградскую область завозятся из госресурсов не только корма (как это было три года назад), но и мясо в натуре. Вот так замечательно руководят сельским хозяйством тов. Демачев и прочие сельхозначальники областного и районного рангов.

Но как же думают они уменьшить падеж скота? (Замечу в скобках, что уменьшение хотя бы на треть избавило бы область от мясных «инъекций».)

К сожалению, никакой конструктивной программы на этот счет в интервью не предлагается. В нем нет ни слова о развитии аренды и фермерства, хотя Калининградская область пребывает на иждивении у державы.

Какой же выход предлагает зампред облисполкома?

«В главПЭУ, — пишет он, — прорабатываются варианты по введению рационирования на говядину, свинину и колбасу...»

Выходит, не увеличение производства, а уменьшение потребления! Значит, возвращение к талонам, карточкам, «визиткам»! О, как это знакомо... Все та же командно-распределительно-административная система, многократно обруганная и заклеянная, но удивительно живучая.

«Уважаемая редакция, — пишет «юный пенсионер» Н. Хомяков, — помогите нам пристроенных областных начальников перестроить на перестроечный лад!»

Охотно бы сделали это, но указанное дело скорее в компетенции рядовых избирателей местных органов власти. Голос каждого избирателя (в том числе и автора письма в «Крокодил») нынче весит, пожалуй, больше, чем публикация в печати.

Как заметили когда-то сатирики, спасение утопающих — дело рук самих утопающих. Дерзайте, товарищи калининградцы!

Юрий БОРИН.

ЗАСЛУЖЕННЫЙ ОТДЫХ?

Н. БЕЛЕВЦЕВ, г. Белгород.

Есть в нашей сегодняшней неспокойной жизни такие проблемы, такие болевые точки, прикасаться к которым надо предельно осторожно и деликатно. Даже лихим сатирикам. Ибо тут, как говорится, не до смеха. Тут лучше всего руководствоваться мудрым принципом древних целителей: «Не навреди!»

Среди этих проблем — и межнациональные отношения, вопросы самостоятельности союзных республик, их суверенитета, опасно обострившиеся, приведшие к трагедиям.

Не так-то просто подступиться к ним с крокодильскими вилами. Но и молчать, обходить стороной, закрывать глаза, острая по поводу столь длительного отсутствия мыла, не пристало журналисту, который никогда не прятался за других. Вот и ищем мы возможности участия в развязывании туго узлов, оставленных нам в наследство сталинизмом. Пусть еще недостаточно активно и результативно, но ищем свои пути и средства участия в трудном деле. Пути — прямые. Средства — честные. В русле этих поисков, исключающих односторонность, предвзятость, лихость, — многие наши публикации последнего времени. Среди них беседы академика Д. С. Лихачева, Рейна Вейдемана, Раймонда Паулса, Яниса Петерса, недавно ушедшего от нас Давида Самойлова, репортажи из Грузии и Азербайджана Кондрата Убилавы, публицистические заметки известного армянского писателя Арамаиса Саакяна, многочисленные письма наших читателей...

В каждой из этих публикаций — боль за происходящее, стремление погасить опасные костры межнациональной розни. Впрочем, не будем кривить душой, не в каждой. Приносит наша почта и другие сочинения. Одним из таких было письмо заместителя редактора таллиннского журнала «Радуга» Аллы Каллас, в котором она обрушилась на фельетон нашего корреспондента Ю. Борина «Гражданин по пятому пункту» и на самого автора.

Взвинченное, необъективное, полное передержек письмо коллеги «Крокодил» напечатал, полагая, что читате-

РОЗЫ ДЛЯ КРОКОДИЛА

История одной «художественной телеграммы»

ли должны знать разные точки зрения на проблему, даже самые крайние (№ 3). Мы не собирались возвращаться к этой публикации, поскольку предмета для спора, на наш взгляд, не было: письмо из «Радуги» настолько тенденциозно и неконструктивно, что серьезная полемика с его автором исключалась.

Правда, некоторые читатели считали, что разговор стоит продолжить. Они полемизировали с А. Каллас, друг с другом, с журналом. И редакция уже было решилась.

Но тут случилось непредвиденное. Спустя почти два месяца после публикации письма и комментариев к нему от А. Каллас пришла новая депеша. На этот раз — телеграмма на художественном бланке. Ее текст напроочь перечеркнул наши намерения, ибо А. Каллас по собственной инициативе раскрыла карты, которые и прежде не являлись для нас биномом Ньютона. Намерения коллеги из «Радуги», яростно «защищавшей» коренное население Прибалтики от «оккупантов», были достаточно очевидны: подбросить дровишек в костер большой, сложной, болезненной проблемы. Флер из фраз об «угрозе вытеснения национальных языков в Прибалтике», «опасности остаться меньшинством на родной земле» был достаточно прозрачным и прямого отношения к фельетону Ю. Борина не имел. А. Каллас метала громы и молнии явно не по адресу.

Однако мы не стали ее ни в чем подозревать и уличать, читать между строк, а напечатали эти строки полностью. И не в порядке исключения, сделанном для журналистки из Таллинна, а в порядке принятого сегодня нашей прессой плюрализма мнений.

И вот — телеграмма. Приводим ее целиком:

«Сердечно благодарю за публикацию моего письма тем самым цель достигнута Алла Каллас».

Ну как, дорогие наши читатели? Вам все понятно? Вы спорили, негодовали, предлагали, а у А. Каллас, как выяснилось, никакой другой цели, кроме публикации ее письма в «Крокодиле», вовсе и не было! Тут, выходит, сработал известный принцип: главное — прокукарекать, а там хоть солнце не всходит. «Маленькая хитрость» А. Каллас состояла в том, чтобы, не прося и не требуя напечатать «возмущенное» письмо, побольнее уязвить крокодильцев. Озлившись, защищая «честь мундира», они, глядишь, и попадутся на крючок. И таки попались, простак! Напечатали!

Радость от этого оказалась так велика, что наша коллега не поспешила на телеграфный бланк с розами и сердечную благодарность журналу. Что ж, поделим эту благодарность со всеми, кто искренне полагал, что А. Каллас действительно волнуется то, что происходит сегодня в Прибалтике, и она хочет, даже жаждет честно, спокойно, серьезно обсуждать происходящее.

Мы понимаем, сколь наивны наши рассуждения перед текстом «художественной телеграммы». Но утешимся поистине обескураживающей откровенностью этого текста и, в свою очередь, сердечно поблагодарим А. Каллас за вольный или невольный «телеграфный стриптиз». Ибо цель тем самым действительно достигнута. Но, увы, не та, в которую метила наша коллега.

Теперь, следуя логике наших отношений, нам, вероятно, следует ждать очередной телеграммы из «Радуги» с благодарностью за публикацию первой.

Интересно, какие цветы будут на ее бланке?

Кто последний? Я за вами.

Я помню очереди с детства, без них не жил я никогда, они достались мне в наследство, как солнце, воздух и вода.

Мы лишь мечтали о достатке, в виду имея ширпотреб, вставали в очередь к палатке, чтобы купить насущный хлеб.

Не ждали мы ничьей подачки, вручную встречный план гоня, а экскаватор вместо тачки стоял на очереди дня.

Когда вопрос о ширпотребе уже могла решить страна, пришла, как гром на ясном небе, Отечественная война.

Какие очереди были у входа в райвоенкомат! Потом очередями били и пулемет, и автомат.

Под разорвавшимся снарядом упав, успел подумать я, когда разрыв увидел рядом: «Ну, значит, очередь моя!»

Пришлось вживаться ветерану в привычный с детства неуют. Бывало, в очередь я встану, потом спрошу: «А что дают?»

Зачем теперь себя тираню, когда могу, как ветеран, войти без очереди в баню, в такси, в кино и в ресторан?

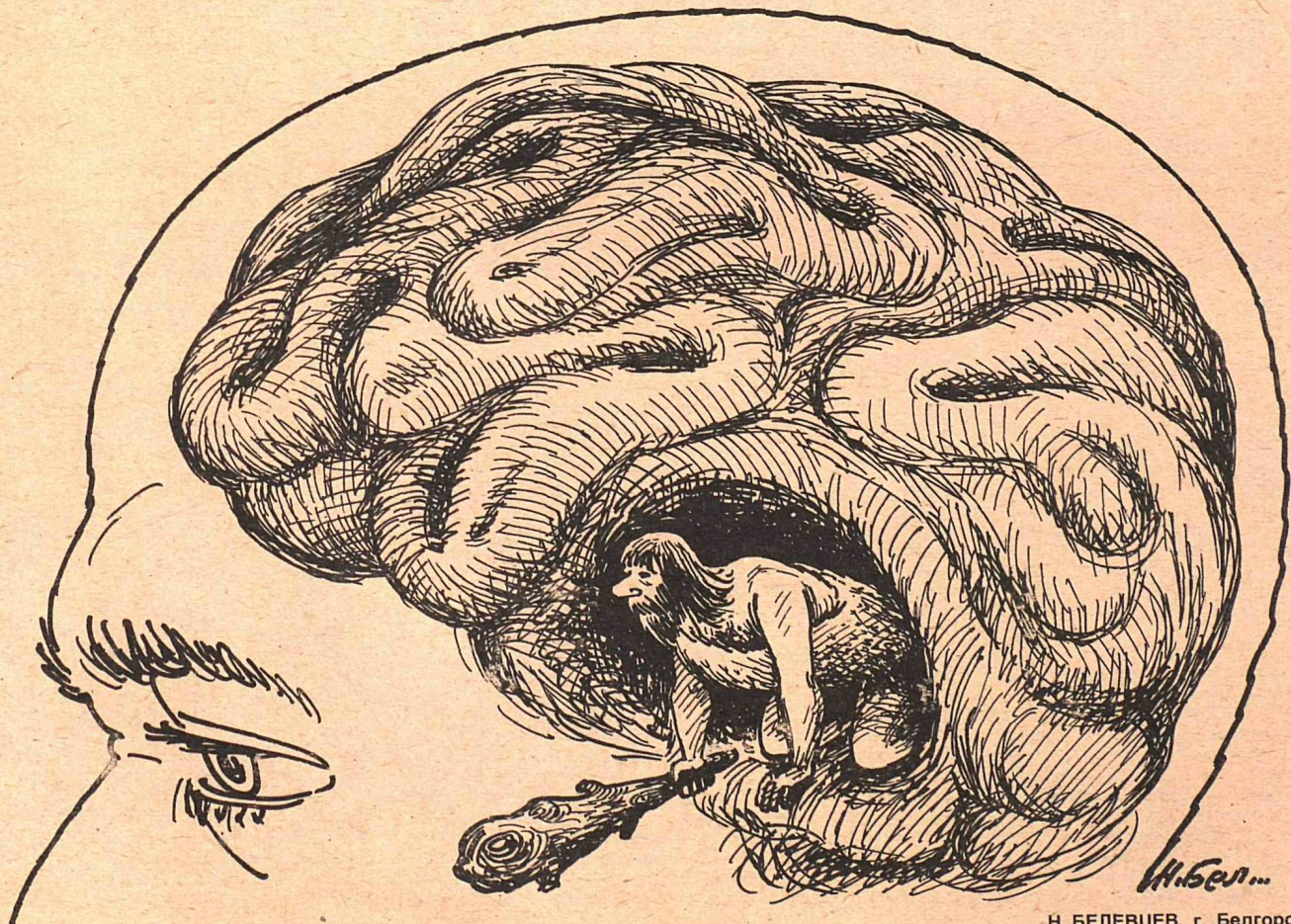
Иду без очереди, еду, но неуютно как-то мне. Я — рядовой солдат Победы, а победил народ в войне.

Ему и дать бы эти льготы. И остальных бы всех людей, как от нагрузки сверх работы, избавить от очередей.

А кто такие остальные? На ящик вставший паренек, снаряды делавший стальные, хоть до станка достать не мог?

Он вынес голод Ленинграда, чтоб город выстоял родной. И нам вне очереди надо решить вопрос очередной.

Бывают спорны параллели. Но вспомним мы свои дела: разруху, голод одолели, фашистов... Может, в самом деле и эта очередь дошла?

Н. БЕЛЕВЦЕВ, г. Белгород.

В моей судьбе наступил день и пробыл час, когда я одновременно оказалась «воровкой, мерзавкой и своло- чью». Стоя за прилавком в секции «Мужские носки» ГУМа в качестве про- давца, я узнала, что представляю со- бой «продажную шкуру, сплавившую дефицитные носки кооператорам и по- делившую с ними выручку».

Шквал народного гнева обрушился на меня за то, что в секции, призванной торговать столь незаменимой деталью мужского туалета, носками, пардон, даже не пахло. Мы торговали «гольфами мужскими шерстяными производ- ства ГДР» по четыре рубля за пару и активно убеждали нашего мужика, привыкшего к полторарублевому род- ному носку, переключиться на импорт. Мужик упирался...

— Нас руководство постоянно пре- дупреждает: девочки, будьте спокой- ны, — в свою очередь, воспитывали меня продавщицы. — Не грубите, не огрызайтесь. Вы на переднем крае тор- говли.

А на переднем крае торговли ох как неспокойно! И, пожалуй, торговлю из организации коммерческой уже превра- тили в идеологическую, поскольку львиную долю заприлавочного времени мы тратили не на продажу товара, а на обсуждение его пропажи.

Те покупатели, что не шельмовали лично нас, намекали на таинственное вредительство: дескать, носки гниют на базах. Другие утверждали, что мужская половина оказалась с голыми ногами оттого, что не хватает сырья, значит, сокращено производство. Третьи обви- няли приезжих: мол, тащат в свои края весь столичный товар.

Так куда же делся носок? Ведь бук- вально два года назад он радовал нас широчайшим ассортиментом. Мужскую пятку облегал носок хлопчатобумаж- ный, эластичный, смесовый (то и другое вместе), махровый, с резинкой и без таковой. Какие были расцветки! Можно было подобрать носки даже под цвет глаз или усов.

Московское производственное чу- лочно-носочное объединение — круп- нейший поставщик ГУМа. Как выясни- лось из беседы с заместителем гене- рального директора Л. Устиновской, предприятие и не думало снижать тем- пы. Напротив! Объединение, награ- жденное переходящим Красным знаме- нем, купило прогрессивное импортное оборудование и вяжет носки с усилен- ной продуктивностью: в этом году вы- даст товар на один миллион пар боль- ше, чем в прошлом. А вообще покупа- тель получит 28 миллионов 477 тысяч пар носков, что гораздо больше, чем

Ирина СКОРОБОГОВА,
специальный корреспондент Крокодила

ДЕНЬГИ В НОСКАХ, или Как я торговала дефицитом

в те времена, когда груды данного из- делия лежали на прилавках.

— Исчезновение носков лично для меня загадка, — пожал плечами заме- ститель директора. — Нашей вины здесь нет.

Не обнаружила я носочных залежей и в Московском объединении оптовой торговли трикотажными товарами.

— Все, что получаем, немедленно переправляем в магазины, — сообщила мне при встрече директор С. Храпова.

Для справки: в этом году база полу- чила мужских носков на пять милли- он пар больше, чем в благополучном 66-м. Кооператорам не продано ни од- ной пары. Впрочем, кооператоры и не горят желанием скупать носки, во вся- ком случае, Храповой от них предложе- ний по этому поводу не поступало.

Тогда задумаемся: а ежели наш до- рогой мужчина за последние годы рез- ко возрос в культурном отношении и стал менять носки чаще? Вот данные Всесоюзного НИИ конъюнктуры и спро- са: для нормального существования лицу мужского пола требуется шесть пар носков в год. Институт, углубив из- учение, выяснил, что молодежь, на кото- рой, как известно, все горит, дырявит по десять пар, а прижимистые старички носки штопают и оттого обходятся пя- тью. Так вот, если разделить количе- ство носков, имеющихся на московской базе, на 3 миллиона мужчин, прожи- вающих в столице, то получится по две- надцать пар на одни ноги. В общем, в каждом месяце получите обновку! Только вот где ее получить?

Возникла идея: а если у москвича носки уплывают прямо из-под носа в баулах приезжего люда? Не пора ли и в Москве ввести карточку жителя? А то не ровен час сын будет надевать на свидание выходные носки папаш! Однако после беседы с начальником отдела торговли одеждой, обувью и текстильными товарами Минторга СССР В. Есиным мой пыл несколько угас. Я уяснила, что гостям столицы вовсе нечем заняться в родные края чемоданы, набитые носками, потому

что там этого носка хоть завались. Так, в Киргизии выпуск возрос на 19, Узбе- кистане — 17,7, Таджикистане — 26, Украине — 1,1, России — 2,4, а в целом по стране — на 2,7 процента. И нигде не наблюдается спада.

— Гладко было на бумаге, да забы- ли про... — начала было я комментиро- вать ситуацию.

— ...хаос на рынке, — продолжил начальник управления. — Пока мы не стабилизируем рынок, у нас не будет ничего, поскольку раскупается все. Деньги, имеющиеся в кошельках, вдвое превышают суммарную стоимость това- ров.

— Вы хотите сказать, если раньше деньги складывали в чулок, то теперь их прячут в носок?

— Не исключено. А если учесть, что носки короткие, то их требуется гораз- до больше.

Увы, в этой горькой шутке есть не- малая доля правды. На следующий день в ГУМе выбросили носки. Толпа мгновенно организовалась в очередь, дискуссии прекратились. Все напряжен- но следили, чтобы каждому давали по пять пар — строго в соответствии с ука- занием торгующих инстанций. Ушлые вставали по второму и третьему разу, таким образом увеличивая закупку. А поскольку носок не холодильник и даже не пылесос, его может нахалпать полную котомку среднеобеспеченный житель страны. Через три часа носки кончились. Умотанные продавцы проби- ли-завернули-подали 3 тысячи пар, обслужив шестсот человек. А всего за неделю, по данным директора ГУМа С. Сорокина, ГУМ получает партию в 80 тысяч пар, которая разлетается мгно- венно, хотя и ошарашивает обилием этой трикотажной мелочи.

Вследствие ажиотажа носок вклю- чен в выездную торговлю, и вот уже немалая цифра фигурирует в спецотче- тах. Носки прочно угнездились на при- лавках магазинов для ветеранов, про- даются на макулатурные талоны, в ре- зультате чего тысячи пар уплыли с об- щедоступных прилавков.

Как же возникает механизм дефи- цита при наличии товара?

После беседы с сотрудниками Науч- но-исследовательского экономического института Госплана СССР мы пришли к выводу, что хватательный рефлекс обусловлен видом пустого прилавка, если даже этот прилавок оголен лишь на день из-за перебоев в доставке то- вара. При нынешней экономической не- стабильности покупатель решает, что товар исчез навсегда, и набрасывается на него с удвоенной энергией. Есте- ственно, догадка тут же превращается в реальность.

Казалось бы, чего проще: подбро- сить носки с базы в магазин, если они кончились. Ан нет. Существуют графи- ки поставок, выбранные и невыбранные фонды и куча прочих условий, кото- рые упаси бог нарушить! Покупатель же, не ведая, что творит, норовит ухва- тить носки не по системе поставок и фондов, а когда протрется пятка.

Ажиотаж... Какую радость он доста- вляет предпринимателю в стране, где с носками нормально. Это же золотой дождь. И только у нас ажиотаж — бед- ствие почти стихийное. Отчего?

Оказывается, промышленность не имеет запасных мощностей. Она лим- итирована оборудованием и сырьем, от- чего резко увеличить производство не может, объяснили мне в госплановском институте. Торговые базы «завязаны» на определенных поставщиках и пере- ключиться к другим, у которых, воз- можно, есть запасные ресурсы, без дол- гих бюрократических согласований не имеют права.

Пока «контра пишет», вместо того чтобы попросту торговать, покупатель ударяется в панику. Так уже было со спичками и солью, а теперь и с носка- ми. Ведь это незаменимый простейший товар, пропаша которого пугает жителя страны более всего. Неповоротливость нашей торговли, ее неинформирован- ность и отсутствие маневренности в промышленности сейчас «высвети- лись» как никогда и наносят колоссаль- ный вред.

Утешим читателя. Минторг СССР отвалил приличную сумму в валюте (точная цифра пока обсуждается) на приобретение носков за границей. Итак, победу над носками мы все-таки одер- жим.

Как уже блистательно и неодно- кратно побеждали трусы мужские, кол- готки, мыло, стиральный порошок. И пока ржавый механизм производства и отоваривания будет скрипеть по-ста- рому, нас ждут новые и новые победы. Ура, товарищи!

ЛЕД ТРОНУЛСЯ

БУДЕТ «РАЗВЯЗАН» МОСКОВСКИЙ УЗЕЛ

«В полосе отчуждения» — так назывался рейд, проведенный Крокодилом на моско- вском железнодорожном узле (№ 1, 1990 г.). В нем рассказывалось о той чрезвычайной обстановке, которая сложилась на этом узле в конце прошлого и начале этого года из-за невывоза получателями грузов и контейне- ров.

Первым откликнулся Госнаб СССР. «Упорядочение перевозок грузов, и в первую очередь в г. Москву, весьма актуально и тре- бует координации деятельности многих ми- нистерств, ведомств и транспортных органи- заций», — пишет нам Б. Федоров, замначальни- ка сводного отдела контроля и регулирова- ния снабжения. Он сообщает, что положение на узле рассмотрено 20 января 1990 года «на заседании Правительственной комиссии, об- разованной Советом Министров СССР... При- няты конкретные решения по наведению по- рядка в этом вопросе. Отдельные руководи- тели понесли наказания, а директор Москов- ского завода растворенного ацетилена т. Сотский отстранен от занимаемой должнос- ти. В настоящее время выгрузка вагонов и вывоз контейнеров... улучшается».

В материалах рейда говорилось также о том, что Москва буквально забита разного

рода снабженческо-сбытовыми конторами, занятыми перевалкой грузов в другие регио- ны страны. По этому поводу тов. Федоров информирует, что, «по данным Госкомстата СССР, на 1 марта 1985 года в Москве насчи- тывалось 178 таких организаций 60 мини- стерств и ведомств. В результате принятых мер на 1 марта 1990 года из этого числа баз и складов переориентировано, ликвидиро- вано и выведено за пределы города 71 и до конца года планируется вывести еще 18 снаб- женческо-сбытовых и комплектующих орга- низаций, не имеющих непосредственного от- ношения к обеспечению г. Москвы».

Вместе с тем, — констатирует Б. Федо- ров, — вывод указанных баз из г. Москвы не дал ощутимых положительных результатов, что справедливо отмечено в фельетоне. По просьбе Мосгорисполкома вопрос дальнейше- го сокращения перевалочных транзитных груз- зов... намечается дополнительно рассмот- реть на одном из заседаний вышеуказанной комиссии Совета Министров СССР».

В официальном ответе Минторга РСФСР проблема вывоза контейнеров из столицы уточ- няется. Оказывается, «в г. Калуге управлением торговли строится склад площадью 2,3 тыся- чи кв. метров. После ввода в эксплуатацию,

который планируется в этом году, будет со- здано оптовое предприятие Роскультторга. Рассматривается возможность строительства оптовых предприятий Росхозторга в гг. Ногин- ске и Калуге».

Можно надеяться, что таким образом Мо- сква будет разгружена от излишних вагонов и контейнеров, которые забивают все подхо- ды к станциям московского узла.

ЗОЛУШКА СТАНОВИТСЯ ПРИНЦЕССОЙ

«Академическая золушка» — так назы- вался фельетон И. Скоробогатовой (№ 32, 1989 г.). О чем шла речь? О том, что генети- ческая проверка и профилактика новоро- жденных в нашей стране находятся в эмбри- ональном состоянии. А между тем... «ежегодно в стране рождается около 60 тысяч детей с врожденными аномалиями развития... Рас- ходы государства на лечение и выхаживание детей с врожденными и наследственными за- болеваниями исчисляются сотнями миллио-

нов рублей». Эта цитата — из официального ответа Минздрава СССР на крокодильский фельетон.

Заместитель начальника Главного управ- ления охраны материнства и детства И. А. Лешкевич считает, что в «Крокодиле» «поднят один из важнейших вопросов отече- ственного здравоохранения». Что же делает- ся Минздравом, чтобы «золушка» стала прин- цессой?

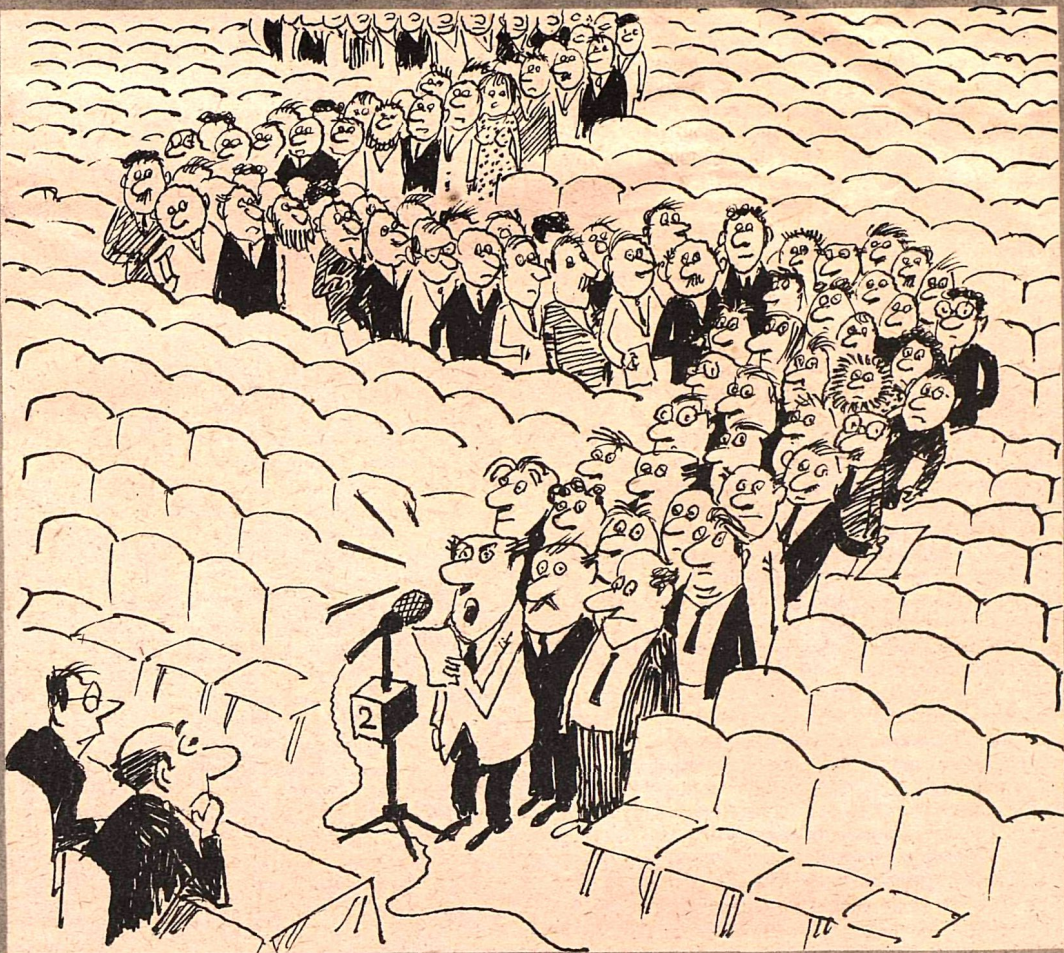
Во-первых, «коллегией Минздрава СССР утверждены дополнительные меры по укреп- лению медико-генетической службы с учетом региональных особенностей страны. В рес- публиках созданы 10 ведущих региональных медико-генетических центров...».

Во-вторых, «для обеспечения... диагно- стики наследственных заболеваний плода за- куплены специальные реактивы, диагностиче- ские среды и инструментальный...».

В-третьих, «постановлением правитель- ства в 1991—1995 годах предусмотрено от- крыть 18 медико-генетических консультаций, 115 медико-генетических кабинетов. Для ре- ализации постановления необходимо решить вопрос о техническом оснащении открывае- мых учреждений. Минздрав СССР вышел с ходатайством в Комитет по делам женщин, охраны семьи, материнства и детства Верхов- ного Совета СССР о целевом финансирова- нии медико-генетической службы в стране».

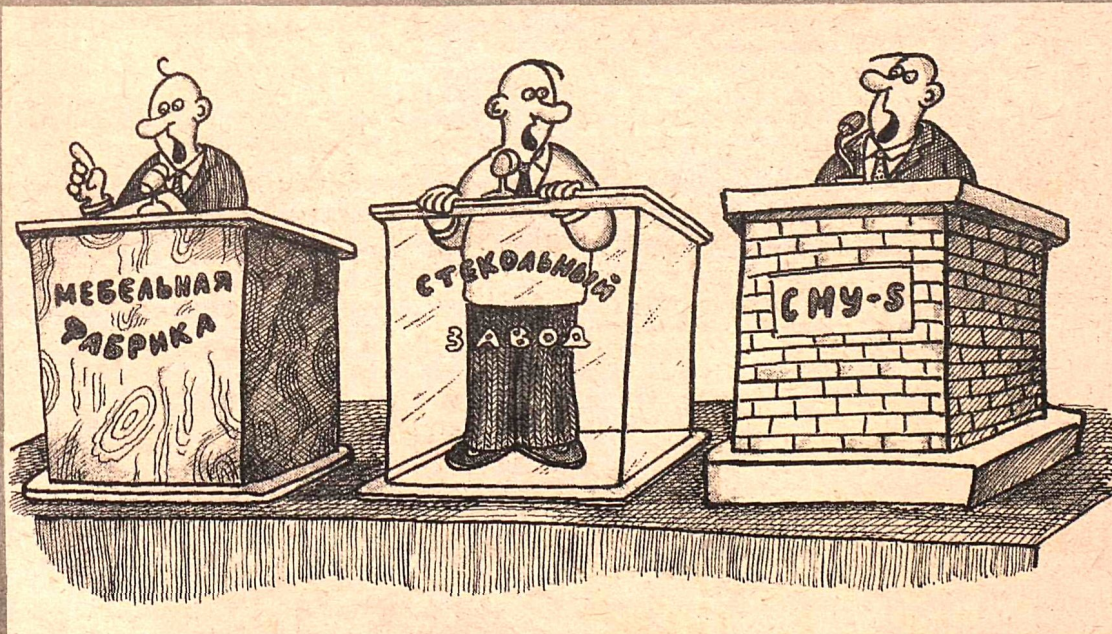
Ю. ЧЕРЕПАНОВ.

С. РЕПЬЕВ.

В. ПОЛУХИН.

В. ЛУГОВКИН.

Середина сентября, солнечный, погожий день. Тепло, сухо. Стою неподалеку от своего дома, гляжу на деревья, растущие за оградой детского сада. На тополях и березах лист заметно желтеет, скоро листопад. Хочется поехать за город, сесть на берегу речном под дерево, побыть одному, слушая верховой шум ветвей. Но наступивший день принес свои заботы: в руках моих хозяйственная сумка, мне даден наказ купить картошки, купить капусту, морковки, луку, и, вздохнув, иду я на городской базар.

Торгуют широко, торговля не уместается на долгих прилавках под навесами-козырьками, выпирает за решетчатую металлическую ограду в ворота и дальше, к мясо-молочному корпусу, где стоят автобусы, грузовые и легковые автомобили. И здесь людно: одни спешат на базар, другие выходят из ворот, держа в опущенных руках наполненные сумки, сетки, ведра. Шныряют цыганки, приторговывая различной мелочью, предлагая свои услуги, толчется всякий околбазарный сброд, жаждущий похмелья, легкой наживы, уличных происшествий. Звучит откуда-то гнусаво музыка. Весело.

В корпусе торгуют цветами, свиной, медом, творогом и сметаной, маслом, разными семенами, сухофруктами. Как войдешь в корпус, налево — цветы. Длинный прилавок полыхает оранжевым, красным, синим, белым, желтым. Зеленъ цветочных листьев. Цветы поставлены в различные сосуды с водой, букетами и по отдельности, цветы обрызганы холодной водой. На листьях, на лепестках частые капли — будто утренняя роса.

За прилавками женщины, уроженки Средней Азии. Их платки, платья так же пестры и красочны, как и цветы. В крайнем дальнем углу прилавка — грузин. Он молод и элегантен. Небольшие черные усы его тщательно подбриты, щеки свежи, глаза веселы, волнистые, зачесанные назад волосы блестят. На нем темно-серый, застегнутый на одну верхнюю, как тогу требуют правила хорошего тона, костюм, чистая рубашка, полосатый галстук.

На левой руке кольцо, на правой — перстень. В ухоженных пальцах дорогая, душистая сигарета. Это манекен столичного экстра-классного ателье мод, это Марчелло Мастоияни и Жерар Филип, вместе взятые, это герой киноэкрана в роли неотразимого обольстителя, у него княжеская фамилия Чавчавадзе или что-то в этом роде, а сегодня он просто продавец цветов.

— Сколько стоит букетик?
— Какой?
— Ну... вот этот.
— Девять пятьдесят.
— Да что вы?!

— А что, дорогой?! Ах, какой букет! Красавец! Бери, дорогой. Даром даю.
— Дорого очень.
— Какой дорого?! Не дороже денег! В самый раз, дорогой. Бери, не пожалеешь. Ну вот этот, семь пятьдесят. Не хочешь? Тогда иди, дорогой, во-он туда, — он поводит рукой за своей спиной, — киоск, там тебе за рубль любой букет продадут.

Грузин смотрит на меня и смеется, а с ним вместе смеются и все женщины-продавцы. Они знают, что цветочный киоск на площади перед корпусом закрыт, пуст и никаких цветов там нет. И я это знаю.

Докулив сигарету, грузин достает из-под прилавка бутылку родного коньяка, отхлебывает глоток и начинает есть мягкий, сочный, только что принесенный ему шашлык, а я смотрю туда, сюда, но в основном на него.

Отвернув губы так, как отворачивают их женщины, чтобы не тронуть помаду, откусывая пирожное, сахарными зубами снимает грузин с шампура свежезажаренный кусок мяса и жует, блаженно жмурясь. Он живет в центре города в гостинице в отдельном номере, вечерами сидит в ресторане с местными красавицами, в Грузии у него дом, а может, и два, обязательная машина,

подвал с вином, фруктовый сад, цветочные плантации. Круглый год привозят ему сюда бесперебойно цветы, а он их продает. По утрам он идет на работу на базар, как идут на работу на завод, фабрику или в учреждение. Ранней весной, чтобы поздравить близкого человека, купил я у него три маленькие, едва распустившиеся розочки, заплатив по пять рублей за каждую. За пятнадцать рублей мог бы купить дочери сапожки, платьице, еще что-то. Но я купил розы. Они простояли несколько дней на столе, засохли, а потом их выбросили, как мусор.

И по татуировкам, и по облику чувствовалось, что рубщик побывал вдали от родных мест, и неоднократно, благополучно возвратился и теперь занят общественно полезным трудом, рубит для покупателей мясо.

Выхожу из корпуса — и к воротам, туда, где за железной решетчатой оградой продают всё, начиная с нужной мне в первую очередь самой обыкновенной картошки. Картошкой торгуют три человека: маленькая, согбенная, со слезящимися глазами старушка, проворный круглолицый мужик в кепке, мягкой брезентовой куртке на заношенную

Василий АФОНИН

Рассказ

— Почему ваш медок?
— Десять рублей килограмм.
— Ух ты!
— А ты думал как?! Мед — не что-нибудь.
— Почему, мамаша, творог?
— Четыре рубля килограмм.
— А масло?
— Семь рублей.
— Сколько стоит сметана?
— Два пятьдесят килограмм.
— Да ну уж!

— Так сметана-то какая, погляди. Ножом резать можно. Без всякого подмеса, не разбавленная кефиром, как в магазинах. Накладывать, что ли?

— Клади.
— Сало почему?
— Это не сало, а мясо.
— Какое же это мясо? Мяса на палец, на четверть сала.
— А ты пойдешь в магазин, там тебе на выбор дадут любой кусок без сала.
— Хо-хо, верна-а... Там выберешь!

За мясным прилавком, изрубив пластиками свинину, воткнув в громадный чурбак топор-секиру, на перевернутом стоймя ящике из-под тары сидит рубщик, отдыхает. Рыжий волос его курчав, горбоносое лицо в крапинках оспы, взгляд тяжеловат, цепок. Он смотрит, редко мигая белесыми ресницами, в какую-то одному лишь ему ведомую «туманную даль», думает свои думы. Длинные мускулистые руки его спокойно лежат на коленях, рукава рубахи закатаны выше локтя. Руки в татуировках, начиная с пальцев. В отличие от грузина, кольца и перстни на пальцах рубщика наведены синей тушью. На тыльной стороне кисти — восходящее солнце, лучи солнечные разбросаны так и смят, под солнцем надпись «Сибирь». Возле локтевого сгиба рисунок сложный: изображены вместе карты, бутылка водки, нож, обнаженная, ухмыляющаяся, с раздвоенными грудями девица, а сбоку надпись: «Вот что нас губит».

Читая от кистей до локтевых сгибов различные надписи, рассматривая рисунки, узнал я между прочим, что у рубщика «нет в жизни счастья» и что он «не забудет мать родную». Очень хотелось увидеть, что нарисовано у него на груди и плечах, но неудобно было просить снять рубаху.

рубаху, серых протянутых штанах, кирзовых сапогах. И средних лет женщина в светлом плаще, платке и ботинках. Мужик продает по три пятьдесят ведро, старушка — по четыре, женщина — по четыре пятьдесят. Возле каждого — мешков по десять картошки, лежат свернутые пустые мешки. Женщина продает и на развес, по пятьдесят копеек килограмм — весы рядом, на чашках весов равно наложено картошин.

Покупателей на картошку много. Охотнее всего берут у мужика — дешевле, но выгоды покупателю почти никакой: картошка у продавца поплотнее, мелковата, да и ведро не ведро, а ведрок, подойник скорее. Но все одно народу к нему больше. Мужик едва успевает насыпать свой подойничек, принимает деньги, подает сдачу, а сам нет-нет да глянет на бортовую машину, стоящую напротив корпуса, — на ней он приехал из района. Сейчас он должен быть в полях — на сенокосе или подле комбайнов, а никак не на городском базаре. Но мужика куда-то послали по делам, а он загрузил машину картошкой, завернул попутно в город и радуется удачному дню, рассыпавая рубли по карманам, звеня мелочью, опоражнивая мешки.

У старухи ведрок чуток поболее, картошка получше, но и цена выше. Закутанная в шерстяной платок, в демисезонном потертом шушуне, не в силах распрямиться, негнущимися пальцами накладывает она картошку из мешка в ведрок, руки не слушаются ее, картошка падает мимо ведра, и тяжело ей нагибаться, подымать клубень, поворачивать мешки.

— Бабка, сбавь хоть на полтинник, — просит старуху покупатель. — И чего жадничает? Загнула цену — четыре рубля. И накладываешь вровень с краями. Накладывай с горкой, ежели уж по четыре продаешь.

— Покупай, не рядись, — не глядя, отвечает старуха. — Куда еще выше-то?

— Если только есть ад, — с наслаждением говорит молодой мужик, пересыпая второе ведро в свой рюкзак, — то всем вам, спекулянтам, в смоле кипеть. Ишь заломила цену — четыре рубля ведро. Сентябрь уже, а четыре рубля. А в марте что будет? И все ведь жадность наша. Куда, спрашивается, денги

копишь? Век отжила, а трясешься над каждой картошкой. Умрешь — все прахом ляжет. Грелась бы на печи, считала кирпичи. Э-эх!

— А ты не страй. — Старуха подымает на покупателя мокрые, покрасневшие глаза. — Не страй, говорю. Все там будем — и спекулянты, и неспекулянты. А господь, он сам разберется, кому в смоле кипеть, кому по садам гулять, райских птичек слушать. Все в грехах, безгрешных на этой земле нету. Ишь, дорого ему. Не нравится — не бери, силком никто не заставляет. Не для себя стараюсь, для внуков. Себе на похороны давно уже отложила. А внукам жить, им деньги нужнее. То справиться, это справиться...

— Давай, давай, — говорит покупатель, завязывая рюкзак. — Торгуй. Внуки твои раздеты-разуты, внуки твои голодные, сами заработать не могут. Соберай тройки-пятерки с ведра, неси им, а они джинсы себе купят — сто рублей штанина, с девками в кафе пойдут вечером, коньячку выпьют под музыку. А ты ворочай тут мешки, прикидывай: не лишнюю ли положила в ведрок!..

Вскинув рывком рюкзак на плечи, поправив лямки, мужик уходит.

— Джинсы, — бормочет старуха, наклоняясь над очередным ведром. — Что хотим, то и покупаем: свое дело. А ты иди. Купил — и ступай с богом...

Очерде слушает молча, но по лицам видно, что она на стороне покупателя с рюкзаком. Молчит и женщина, продающая по пятьдесят копеек килограмм, по четыре пятьдесят ведро. Лицо ее негодует, она жаждет возразить мужику с рюкзаком, но терпит, боится отпугнуть от себя покупателей, они и без того редки. Но не выдерживает она, поворачивается к очереди.

— Выискался, — громко говорит женщина, ни к кому не обращаясь. — Дорого ему. На готовое дорого. Пришел, насыпал и обратно домой. А ты подготовь ее, землю, да посади картошку, да прополи ее два раза, да окучь по времени, да выкопай, да просуши, да привези сюда. Тогда и скажешь, что дешево, а что дорого. Дорого — иди в магазин, там тебе продадут. Там тебе зеленой, порченой, неперебранной, грязной, с землей, с мусором сыпанут по десяти копеек килограмм, и неси. Ведро купил — половина на очистки пойдет. А у меня — погляди: сухая, чистая, крупная, одна к одной. Ни царапинки, ни червоточинки, ни зеленой. Своими руками перебрала, мелочь свиньям. А вкусна, а рассыпчата! Разварится — будто каша, крупинками. Буду до темноты стоять, а продам! Разберут, никому не денутся. В магазинах вон шаром покати — знаем. Берите! Ведро большое, картошка крупная!..

«У-у-у-о-о...» — говор базарный.
— Почему гранаты?
— Восемь рублей килограмм.
— Почему персики?
— Восемь рублей килограмм.
— Почему сливы?
— Восемь рублей.

— Тетя, сколько стоит хрен? — Покупатель держит в руках пучок корешков хрена толщиной в карандаш каждый корешок, длиною — в палец.

— Пятьдесят копеек пучок.
— Ни хрена себе!

Грецкий и земляной орех продают стеклянными баночками — так выгодно. Банка пол-литровая, а то и того меньше. В баночку такую, касаясь боками, входит десять — двенадцать штук грецкого ореха, остальное — пустота. Земляной орех мельче, в баночку входит больше.

— Почему орех?
— Два рубля банка, — отвечает узбек. На нем теплая шапка, рубаха, на рубаху надет пиджак, сверх пиджака — длинный пестрый халат, халат туго подпоясан. На ногах высокие хромовые сапоги с галошами. Сколько узбеку лет — сказать трудно, может, пятьдесят, а то и все семьдесят.

О «НАРОДНОМ» АВТОМОБИЛЕ,

про который у народа и не спросили

Сколько копий переломано по поводу очередного «долгостроя» — автозавода в Елабуге! И хотя копия еще продолжают ломать, так как завод продолжают строить, тем не менее первые автомобили «Ока» уже продают народу. Эту «Оку», кстати, так и нарекли — народный автомобиль. Народный?..

Мне едва перевалило за сорок лет (чтобы не думали, что пишет пенсионер, любящий тишину), и к тому же я изобретатель, стало быть, любитель техники. Но автомобилей я бы не хотел видеть на улицах наших городов. До появления автомобилей на солнечной энергии.

Дело в том, что в наших городах (например, в моем городе) превышены, причем в несколько раз, предельно допустимые концентрации почти всех вредных веществ, поставщиком которых на 76 процентов является автомобильный транспорт. Мы сами себя медленно удушаем! Неужели экологические знания людей, ратующих за еще один автомобильный завод-гигант, находятся на таком низком уровне? Возможно, в возрасте до 30 лет кажется, что «здоровье вечно, а жизнь бесконечна». А когда мне пришлось в связи с болезнью родственников походить по больничным палатам, все наши проблемы выглядят совсем в другом свете.

Мы не подпиливаем сук, на котором сидим (это бы сразу все заметили и прибежали убивать того, кто с пилой, так как трагедия грозила бы всем одновременно). Мы своими антиприродными поступками выщелкиваем из жизни наиболее слабых. Это идет не очень заметно, но в конце концов наша жизнь разрушается раньше времени, хотя некоторые, по-моему, надеются на импортные лекарства и загородные дачи. А зря!

Скажите мне, почему нельзя начать с производства бензина без свинца, почему не установить на выхлопных трубах эффективных очистных фильтров, почему, наконец, не взяться за реконструкцию дорог — с развязками, подземными переходами? Ан нет, сначала построим автозавод, выпустим сотни тысяч машин, создадим проблемы с гаражами и т.п., а затем эти проблемы начнем решать.

Если мы хотим побольше изъять денег у населения путем продажи товаров (в данном случае той же «Оки»), то давайте построим высокотехнологизированные свинофермы, рядом завод по переработке мяса на колбасы разнообразнейших сортов (причем чтобы было экологически чистое производство) и станем получать деньги и благодарность народа.

Где же наше благоразумие? Вот корреспондент в телепрограмме «Время» призывает, мол, дорогие товарищи, вносите свои деньги на завершение строительства, и первыми получите автомобиль.

Мое мнение как изобретателя такое: пока автомобиль на 101% не безопасен для жизни пешехода и для его здоровья, он не имеет права появляться на наших улицах (ну те, что уже бегают, что поделать, ведь заводы построены давно).

Итак, я тоже изъявляю желание дать денег столько, сколько стоит один автомобиль, но... чтобы перепрофилировали завод на выпуск, например, холодильников или колбасы высшего качества.

И в конце концов проведите же референдум — нужен ли нам в первую очередь автомобиль (пусть даже с названием «народный»), или что-нибудь другое, необходимое народу?

Ю. ЩИПЦОВ,
член Союза изобретателей СССР,
г. Ростов-на-Дону.

— Такое мелкое сито, а сумели проскользнуть!

А. УМЯРОВ.

МИМОХОДОМ

Еще зеленый, а уже не краснеет.

Виктор ВЛАСОВ, г. Москва.

Если на Марсе нет людей, возможно, там есть жизнь.

Твердая позиция: прислушиваться к большинству и приглядываться к меньшинству.

Геннадий МАЛКИН, г. Москва.

Кто же возьмет на себя ответственность разрешить то, что не запрещено!

Человеку надо верить — даже если он торжественно поклялся.

Нет проблем, которые нельзя было бы решить, но мы находим.

Чем больше все запутывается, тем ближе развязка.

Александр ПЕРЛЮК, г. Кировоград.

МЕДИЦИНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ПОД ЗАМКОМ ОТ ... ВРАЧА

Я уже заканчивал оформление кандидатской диссертации, когда понадобилось уточнить параметры написания отдельных ее разделов. По совету моего научного руководителя и ученого секретаря Львовского медицинского института обратился в информационный отдел Львовской медицинской библиотеки. Там в читальном зале имеются кандидатские диссертации. Одну из последних я и намеревался просмотреть. Мне казалось, это легче легкого: ведь они, по моему разумению, и находятся тут для того, чтобы с ними мог ознакомиться каждый врач, нуждающийся в медицинской информации.

Пришел я в библиотеку. Миловидная работница библиотеки очень удивилась: как это я без отношения из института с подписью ректора и гербовой печатью, без нескольких официальных бумаг с места работы вздумал сюда явиться.

Сейчас, когда открываются даже сверхсекретные архивы НКВД, трудно предположить, что в научных библиотеках по-прежнему выставлены «рогатки» и «надолбы».

А сколько нужно пройти инстанций, предъявить справок, характеристик и даже фотографий своей персоны, чтобы проникнуть в Центральную медицинскую библиотеку в Москве! Неужели мы опередили все страны в медицинской науке и у нас накопилась масса государственных секретов? По-моему, как раз наоборот: нам бы следовало кое-чему поучиться. Кроме того, считаю, что медицинские секреты от коллег вообще безнравственны. К тому же сомневаюсь, что в научную библиотеку придет праздный человек. И вряд ли какой-нибудь «бич» перепутает винный магазин с научной библиотекой...

Как я ни старался понять смысл всех этих библиотечных ограничений, ничего у меня не вышло. И родился вопрос: когда наконец станет возможным свободно работать на пользу своей стране, не доказывая всякий раз что ты не вор-рецидивист и не агент иностранной разведки?

С. ХОХЛОВ,
врач-уролог курорта Трускавец.

СТИХИ О МОЕЙ ГЛОТКЕ

«Глотка у меня давно осипла —
Говорить «спасибо» да «спасибо».
«На здоровье», — слышится в ответ.
За «спасибо» мне «спасибо» нет».
Л. АГЕЕВ.

Глотка у меня была луженой,
Пивом с «Беломором» обожженной.
Мог я плавить в ней чугуны и медь,
А потом «Дубинушку» мог спеть.

Или — «Из-за острова на стрежень...»,
Но с годами в горле что-то режет.
Начинаю петь «Вечерний звон» —
И впадают слушатели в сон.

Глотка у меня давно осипла
Говорить «спасибо» да «спасибо».
Взять да промолчать хотя бы раз,
Может быть, я глотку бы и спас.

Говорит мне отоларинголог —
Взгляд его таинственен и долог —
«Запрещаю вслух стихи читать!»
Молча отдавайте их в печать!»

Юрий ПОСТЫЛЯКОВ

БИБЛЕЙСКИЕ МОТИВЫ

«Поэт, благослови страданье,
Не то, что злобу пламенит...»
Николай КОТЕНКО.

Не возомни себя талантом,
Чихай на памятника слизь.
Коль выставлен за дверь, смиришь
И не юли столичным франтом.

Избегни творческого зуда,
Пока до мэтров не дорос.
Редактор — это не Иуда,
Поскольку автор не Христос.

АХ, ЗАЧЕМ ЭТА НОЧЬ

«Как писк свой поднимают мыши,
Вгрызаясь в рукопись мою,
Как кошки бесятся на крыше...
И ровно в полночь я встаю».
Николай СТАРШИНОВ.

Беру ружье. От возмущенья.
И под покровом темноты
Иду на место преступленья...
О, распроклятые коты!

Пока творили вы на крыше
Свои амурные дела,
Мой лучший сборник съели мыши.
Какая рукопись была!

В. БУТЕНКО

Я В ТЕЛЬНЯШКЕ ПИШУ

«Я стою на мостике скользком.
Как в дырявом стишке,
Где души моей малость...
Так и в нашей любви».
Л. ВЬЮНИК.

По призванью матрос
И поэт по натуре,
Покоряю стихи, как моря.
Пенный след оставляю
В словесной культуре,
В том себя никогда не коря.
Я в тельняшке пишу!
Я в стихи свои верю!
И земная качается ось...
Что ж?.. Бывают стишки,
Будто кто-то их дремлю
Продырявил нарочно насквозь.
Но любимая дырки
Напрасно считает,
Душу тратя на это свою...
Новый сборник издал я —
Он весь протекает,
И по горло в воде я стою.

ПАРО ДИИ

ЧТОБ НЕ ОСТА

«Мой удел невелик. Полагаю,
Мне не слышать медовых речей.
Лучше я заведу попугая,
Благо стоит он тридцать рублей.
И тогда среди ночи разбудит
Вдохновенное слово: «Дур-рак!»
Олег ЧУХОНЦЕВ.

Импортировал я попугая,
Заменителя сладких речей —
Чтоб беседовать с ним, разгоняя
Одиночество зимних ночей.
Он гордился жилетом зеленым,
Чистил перья и этак, и так.

В. ТУРОВСКИЙ

АВТОСТРАДАНИЯ

«Мой друг терпеливый, машина,
лишь ты не покинешь меня!
Мы, может, с тобой закрутим
Случайный дорожный роман...»
Инна КАШЕЖЕВА.

Мой друг терпеливый, машина,
мой верный и преданный паж!
Как славно, что ты не мужчина —
вхожу я без стука в гараж.

Ты мой — от колес до капота!
Мгновение, остановись!..

Но ты не заводись
и я не могу развестись

А хочется выжать
и мчаться до края
где наши с тобой
оформит инспектор

где ты не подцепишь
Но время мое истекло
И я на прощанье
тебя в любовное

УВАЖИТЕЛЬНАЯ ПРИЧИНА

«Меня однажды упрекнули
В одной статейке между дел,
Что я в машинном, грозном гуле
Рабочий класс не разглядел».
Анатолий ПАРПАРА.

Затем заметили резонно —
Длинней уже была статья, —
Что, мол, в Нечерноземной зоне
Крестьянство не заметил я.

Потом мелькнуло сообщение
В масштабе городов и сел —
Я вновь в порыве вдохновенья
Интеллигентов не учел.

Поэтому скажу вам, братцы,
Как патриот и гражданин:
— Ведь не могу ж я разорваться —
Сословий три, а я один!

ДУБЛЕРША

«Весьма подающий надежды
Поэт восемнадцати лет
Спросил меня в клубе однажды:
— Вы пьете коньяк или нет?»
Юнна МОРИЦ.

Знал юноша истину эту:
Поэты фужерами пьют.
А дамы? Нам по этикету
Нельзя. Как с напитками тут?..

Двуличия я не рабыня.
Призналась я с искрой стыда:
— Лирическая героиня
Грешит у меня иногда.

ВСТУПЛЕНИЕ В ЗООСАД

(Белла Ахмадулина)

Случилось так: у входа в зоосад,
пред кассой, глазам своим не веря,
узрела я диковинного зверя,
скончавшегося тьму времен назад.
В надзвездном верхе кротко семеня,
он в нетях был. И вот разверзлись нети.
Кричали: — Это Несси! Это Несси! —
и танцевали дети вокруг меня.
Зверь притаился за моей спиной.
— О, отвяжись! — я говорила грубо.
Но он вздыхал так преданно и грустно,
и я сказала: — Этот монстр со мной.
Недобро глянул старый билетер,
дрожа, как лошадь в ожиданье бега:
— О, умоляю! Отойдите, Белла,
чтоб он зверинец в пыль не перетер!
Меж тем толпа крестилась у оград
и звери в страхе возжигали свечи.
Пришелец мой кровотеченья речи
не мог сдерживать, как дождь иль снегопад.
Он молвил: — Не страшитесь! Сотни лет
я, уцелев меж бездною и бездною,
хочу открыть суть тайны бесполезной —
мой подвиг одиночества нелеп.
Ужели вам придусь не ко двору?
Благоволите, дикий нрав насупив,
простить высокопарнейший мой суффикс.
Друзья мои, начнемте же игру...
Когда же, на засов закрывшись вдруг,
заметил билетер несправедливо:

В. РУБАНОВИЧ

Из «Нессиан

— Все это чушь,
сказала я: — О,
Мой Несси суший
вернулся после с
Но полно, кличет
Вы надоели. Дай

РАЗМЫШЛ

(Евген

Обложка иностранн
Вот Несси. В нарад
Она плывет. Она у
Законы популярност
А вот она в купальн
Пьет пиво, лапой в
И отдуваясь тяжко.
В шотландской юбке
По правде говоря, о
Что чудили! Пережи
Уродлива, горбата и
С обложки на меня с
Но, жизнь познав не
Я размышлял о смыс
Вокруг нее. Она ве
Такое, что не знаем
И я отныне времени
На постижение тайн
Гляжу на Несси с зон
Где все понять мне? П

А. ПЕТРОВ

ПЕТРОВА В ДУРАКАХ...

Но, к несчастью, был неученым,
Незнакомым со словом «дурак».

Может, просто не знал он по-русски,
Может, лишь по-бразильски умел?
О, увы, языковой нагрузки
Принимать на себя не хотел.

Штудирова «Очерки бурсы»,
Казал попугаю: «Пора!
Гупай-ка, дружище, на курсы
Ни пуха тебе, ни пера!»
г. Ставрополь.

ся что-то,
ись.

сцепление
земли,
отношения
Г.А.И.

шь другую...
екло!
целую
текло.
г. Львов.

Ы »

изложенная длинно,—
нет, любезный друг.
ангел во плоти —
транствий небывалых.
правнук Ганнибалов.
е нам пройти.

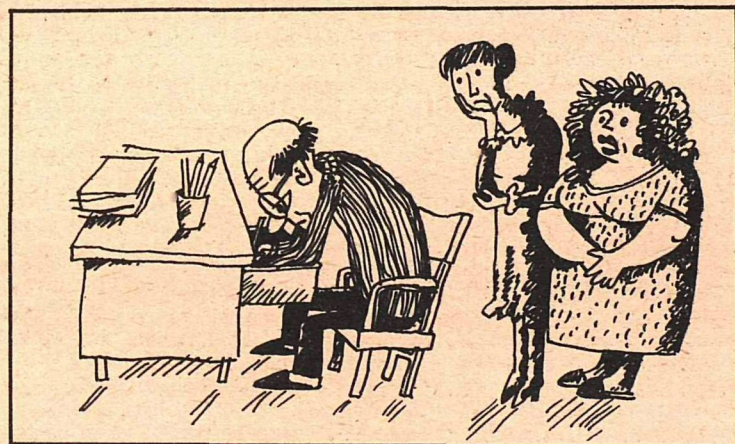
ЕНИЕ

ий Винокуров)

ого журнала:
тающей волне
ке познала
и вполне.
ике. На пляже.
тирая рот
Вот она же
вполуборот.
дна лишь слава,
вая стыд,
костлява,
на глядит.
по цветному фото,
е кутерьмы
знает что-то
даже мы.
е трачу
бытия.
иком и плачу.
росто плачу я.
г. Харьков.

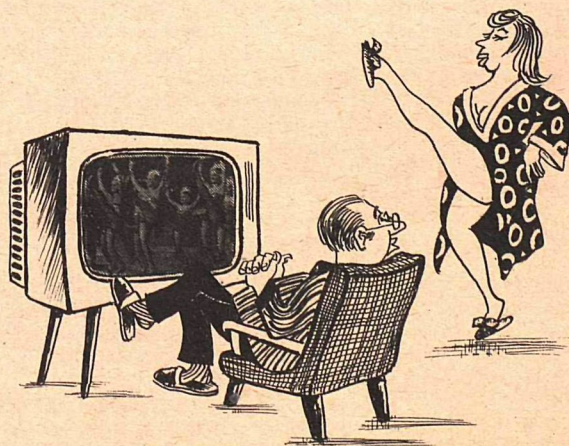

Т. ЗЕЛЕНЧЕНКО, г. Харьков.

— А мой уже 15 лет все в стол пишет.

С. СПАСКИЙ.

— Ну, удивишь детей, а дальше что?

Н. ЕЛИН.

КОГО УЩУЧИЛ А. БОБРОВ?

Тут в двух словах не ответишь, ибо ущучил он многих весьма почтенных и уважаемых в стране людей. Впрочем, это теперь не сенсация, ибо сегодня у нас, особенно в изящной словесности, только и знают что щучат, лажают, мордуют, поливают друг друга, и, что самое печальное, — не самой изящной словесностью. И ничего! Вроде даже привыкать стали к тому, что иные «властители дум» резко сменили жанр. Да что там литература! Даже в парламенте некоторые наши избранные порой весьма далеко отступают от традиционно-парламентской лексики. Так далеко, что того и гляди погасят поименным голосованием телекамеры в таких уже привычных для нас залах...

Однако ж кого именно ущучил поэт Александр Бобров? Где? На каком основании?

Начнем по порядку. Правда, порядок этот в значительной мере условен, так как Бобров не придерживается алфавита. А заодно и пиетета, хотя и ведет речь главным образом о пиитах.

Вот, скажем, прихватил он Татьяну Реброву. И только за то, что не глянулось ему данное четверостишие поэтессы:

Метя по суглинку подолом,
Роняя по бусинке в грязь,
Над ним, словно баба с рассолом,
Рябина стоит наклонясь.

Но если внимательно прочесть написанное А. Бобровым по этому поводу, то нетрудно заметить, что стихи ему как раз и понравились! Ибо дали возможность вспомнить те славные времена, когда даже в сельмаге можно было за номинал приобрести реликтовый и почти забытый народом напиток «Рябина на коньяке», перекочевавший ныне в разоблачительные статьи и фельетоны о спецбуфетах и прочих привилегиях, приводящих в возбуждение массы.

Досталось на орехи Петру Вегину. И только за то, что нечетко знает он роды русского языка, в силу чего удочеряет некое безымянное озерцо. Ну и что?! Ведь со времен Гомера известно, что поэты могут себе позволять такие вольности.

Зацепил А. Бобров и Станислава Куняева, лирического героя которого «не спалось от местной бормотухи». Здесь его предвзятость очевидна, ибо защищать качества местных алкогольных напитков — дело безнадежное и безнравственное. Нынче даже столичный розлив не гарантирует нам соответствующих вкусовых ощущений и прокламируемых этикеткой градусов.

В то же время наш автор явно благоволит, скажем, к Владимиру Кострову, который написал и опубликовал весьма далекую от забот и проблем нашей страны и нашей же эпохи, темноватую по смыслу и жутковатую по сюжету балладу из абсолютной чуждой нам французской действительности прошлых веков. Чтобы убедить в том читателя, приведу лишь пару строк из так называемой баллады. Их, кстати, приводит и Бобров:

Мессир Машер в лесу Бонди зарезал
Мессира Обери де Мондидье.

Вот где, казалось бы, и разгуляться критическому перу, раззудиться сатирическому плечу! Но, увы, не разгулялось и не раззудилось. Легкая смазь — не больше.

Впрочем, достаточно деликатен А. Бобров и с другими поэтами, среди которых Вознесенский, Мориц, Боков, Ошанин, Цыбин, Островой, Доризо, Шестинский, Щипахина... Не стану перечислять всех. Их очень много. И каждому автор постарался сказать то, что о нем думает. Нынче это редкость. Оценим же ее по достоинству.

А теперь пора уже ответить на второй вопрос: где же А. Бобров ущучил своих «клиентов»? Тут все просто: в сборнике пародий, иронических стихов и эпиграмм «Вообще и в частности», выпущенном издательством «Советский писатель». «Лица необщее выраженье» придал книжке известный художник-сатирик Виталий Песков. От крайностей автора остерег редактор А. Тюрин. Смешной тираж — 29 тысяч экземпляров — определил... Увы, не знаю, кто определил. Но знаю, что сделал он это не по-хозяйски.

Однако вернемся к текстам. Впрочем, мне трудно что-либо добавить к уже сказанному, ибо и стихи, и эпиграммы написаны в том же ключе, что и пародии. Разве что имен в них меньше, а принципы те же: не разоблачать и обличать, а иронизировать и вышучивать, угадывать за частностями общее, за деталью — картину, что и является, на мой взгляд, признаками сатиры и юмора. Словом, книжка получилась смешная, веселая, живая. И на этом основании она может быть отнесена к числу тех, что подтверждают достоинства жанра, сильно подмоченные нашествием в наш цех бойких дилетантов, искренне полагающих, что сегодня быть сатириком и юмористом может каждый, кто этого очень хочет.

Хочут многие, да немногие могут, как сказал, правда, по другому поводу, Михаил Задорнов.

Я с ним согласен.

П. САНИН.

Когда житель села Гаевка А. С. Горбачук, набегавшись за день по своим арендаторским делам до гудения в ногах, вечером смежает веки, его одолевают видения.

Будто идет он со своими помощниками, арендовавшими в колхозе имени Петровского ферму на 420 коров, по широкой дороге, сплошь обставленной кормовыми хранилищами. На хранилищах — кумачовые лозунги: «Арендаторам — всемерную поддержку!», «От разговоров об аренде — к делу!». Хранилища ломятся от кормов.

А за арендаторами семенит руководство колхоза, робко теребя Горбачука за рукава:

— Возьми силосцу, Сергеевич! Свежайшего, только что из ямы! Или, хочешь, кукурузного зерна? Отборное! Уважь, слышишь? Комбикорм имеется, белковые добавки...

Но молчит Горбачук. Что-то не нравится ему анализ силоса — высок процент азотистых соединений в нем. А кукурузное зерно?! Мелочь, попуаев кормить, а не коров. Нет, надо поискать что-нибудь получше!..

Горбачук делает протестующее движение рукой и открывает глаза: помешит же такое!..

Видение исчезает, а на смену приходит суровая реальность. Где доставать корма? Колхоз отказался снабжать ими арендаторов: выращивайте, дескать, сами!

Но на это потребуется уйма сил и времени, оторванных от ухода за скотом. Продукция влетит в копеечку, корма съедят прибыль, скот и арендаторов в придачу. Что делать?

Потерял покой, став арендатором, и другой житель села Гаевка, С. К. Бочаров. Он арендовал в колхозе имени Петровского землю под фруктовый сад аж на 7 000 саженцев, которые видит пока только во сне. Никто не торопится снабдить его посевным материалом, поддерживать на первых порах. Есть, конечно, саженцы у частных. Но если согласиться с их ценами, то на устройство садового пугала придется пустить

последние брюки. У кого просить саженцы? К кому обращаться?

Существует, правда, фондодержатель — Одесский облагропром. Но если не хватает всего колхозам, кто станет разговаривать с арендатором? Всюду равнодушные и отказы. Поддержка арендатора — это дама-невидимка, способная жить только на трибуне. Спускаясь

Нацинец вздрогнул, плеснул в лицо холодной водой — мешки на месте.

Выскочил ошеломленный арендатор на улицу, а навстречу ему три хлопца — жители города Раздельная Василий Метла, Валерий Суп и Сергей Алексеев — с заманчивым предложением арендатору за 4500 рублей стать обладателем 30 мешков с семенами. Имен-

Н. РЫНДИЧ, специальный корреспондент Крокодила

УТЕС АРЕНДАТОРА

с нее, она растворяется в воздухе и исчезает бесследно...

Но уж не так все мрачно в жизни, право же! Выше голову, арендатор! Вот житель села Гаевка И. Нацинец арендовал в колхозе «Правда» 30 гектаров земли для выращивания кормовых трав. Но тут же энтузиаст со всего размаху, словно на каменную стену, налетел на проблему семян: их не было. И достать не представлялось никакой возможности.

И тоже как-то под вечер, с устатку, явилось арендатору видение. Будто у него под окнами лежит навалом несколько десятков мешков семян люцерны посевной и клевера лугового. И остается Иосифу Нацинецу только выложить за них свои кровные и образцово провести посевную кампанию. И очень не хотелось арендатору расставаться с этим счастливым видением и возвращаться к суровой действительности.

Но открыл он глаза и повел вокруг усталым взглядом. Раз повел, два повел, моргнул — видение не исчезало.

но люцерны посевной и клевера лугового! Вы верите в вещи сны? Вот вам весомый аргумент.

Получив деньги, хлопцы укатили на автомобиле, помигав на прощание стоп-сигналом, а счастливый Нацинец в радостном изнеможении повалился на мешки.

Потом опять привиделась какая-то фантастика, быстро перешедшая в реальность: появились работники милиции.

Они допросили совершенно очумевшего от видений арендатора и, забрав мешки с семенами, стремительно скрылись в ночи.

Больше видений не было, пошла одна сплошная действительность. Подавленный случившимся, Нацинец вскоре очутился в Одесском областном суде в качестве свидетеля.

Выяснилось, что три удачливых хлопца из Раздельной — воры. Но не простые, а конъюнктурные.

Метла, Суп и Алексеев регулярно читали газеты и постоянно держали руку на пульсе социально-экономических процессов в стране.

Кражи хрустали и видеоаппаратуры, — конечно, заманчиво. Но это предметы роскоши. Без них можно прожить. Другое дело — семена и прочий сельский ширпотреб, когда горит в стране синим пламенем Продовольственная программа и нечем кормить народ. Тут хрусталь и «видики» отодвигаются на второй план. На первом — сумасшедший спрос на дефицитные корма, семена, удобрения, за которые беспризорник-арендатор готов выложить любые деньги.

Учитывая это, Метла, Суп, Алексеев, вооружившись монтировкой, направились к хилому складу Раздельнянского пункта очистки семян и трав.

Похитители получили по несколько лет лишения свободы, а неудачливый арендатор Нацинец, оставшись без семян и денег, похоронил свои надежды на участие в Продовольственной программе и переключился на вязку венков. В отличие от семян люцерны и клевера мусора в стране хватает, и спрос на венки не ослабевает. На этой стезе энтузиаст-труженик Нацинец и нашел наконец безопасное приложение своей энергии.

А сколько вот таких у нас, не выдержавших нелегкого бремени арендатора и забросивших это благородное дело?

Нет, не тяготимся мы заботами о нуждах арендатора, не помогаем ему. И стоит он на скале один, готовый ринуться в омут с огромной высоты. И прыжок этот экспериментальный, небезопасный для арендатора. И необходимо присутствие «Скорой помощи» с опознавательными знаками Совета Министров СССР.

Потребуются инъекции из семян, кормов, удобрений, техники. Причем на особых, льготных условиях. Иначе все может кончиться плачевно. Прыгун не выплывет. Группа руководящих товарищей подпишет проникновенный некролог о безвременном ушедшем. Будет много речей и венков. А скалу, с которой состоялся прыжок, назовут утесом Арендатора.

Одесская область.

КИНОЗУБ

Монолог уставшего кинокритика

ХОЧУ «КУБАНСКИХ КАЗАКОВ»!

Все. Сдаюсь и признаюсь: хочу «Кубанских казаков» с их нереальной, сказочной, опереточной киножизнью. Но таковы были законы жанра. Мы, тогдашние, и не требовали от экрана иного. Нам, тогдашним, казалось, что иного и требовать нельзя. Потом времена изменились, грянул V съезд кинематографистов, и все мы стали ждать с экрана правды про нашу жизнь. Одну только правду, и ничего, кроме правды! Вот наконец он и дал. Да так наотмашь, что аж поплошало. Конечно, понимаю, что и сама жизнь стала такой, что никакая «киночернуха» за ней не поспекает. И в метро у всех такие лица, словно на прием к зубному врачу едут. А тут еще кино со своей правдой «Шантажиста», «Поджигателей», «Бомжа», «Интердевочки» и «Аварии», которая и вовсе, как выяснилось, «дочь мента». Измучился я от всего этого и в кинозал теперь захожу с опаской: а ну как опять увижу очередную экранизацию популярной газетной рубрики «Уголовная хроника»? И героям — какими бы они благопристойными и улыбочивыми ни казались сначала — верить перестал: обязательно то ли посторонние мерзавцы с ними что-нибудь отвратительное сотворят, то ли они сами подонками окажутся.

Вон и эта милая супружеская пара россиянин из узбекского фильма «Бархан» (автор сценария В. Соколов, режиссер С. Бабаев) сразу как-то настораживает. Хотя вроде бы все у них

нормально. Он — крепкий и мужественный парторботник среднего звена, она — моложавая и элегантная — при нем. Нежно целуют сына, заботливы друг к другу и вдобавок едут куда-то на новенькой «Волге». Правда, поначалу не очень понятно, при чем тут «Бархан» и почему «Узбекфильм», ибо действие начинается где-то в средней полосе России. Но потом становится ясно: едут они к новому месту службы в Ташкент, где собираются заодно выгодно продать машину. А когда жена произносит несколько раз реплику насчет того, что лучше бы им было лететь самолетом, мои опасения начинают оправдываться. Так и есть. Заблудились в пустыне, застряли в барханах и для полного счастья встретили двух рецидивистов, бежавших из лагеря. Тут очень захотелось выйти из зала, но превозмог себя и остался. И правильно сделал, ибо жена в отличие от моих мрачных предположений вполне добровольно ушла с молоденьким зеком за бархан, а муж возмущался только тогда, когда старший урка попытался отобрать у него машину. И хрюкнул грабителя по черепу монтировкой. Хорошо хрюкнул, насмерть. А потом сбежал с освободившейся от первого зека женой на отвоетванной у второго зека «Волге». А дальше они стали выяснять отношения. И выяснили, что давно и обоюдостро ненавидят друг друга, что вся их жизнь — грязь и мерзость. И наступил катарсис — вдоволь нарыдавшись

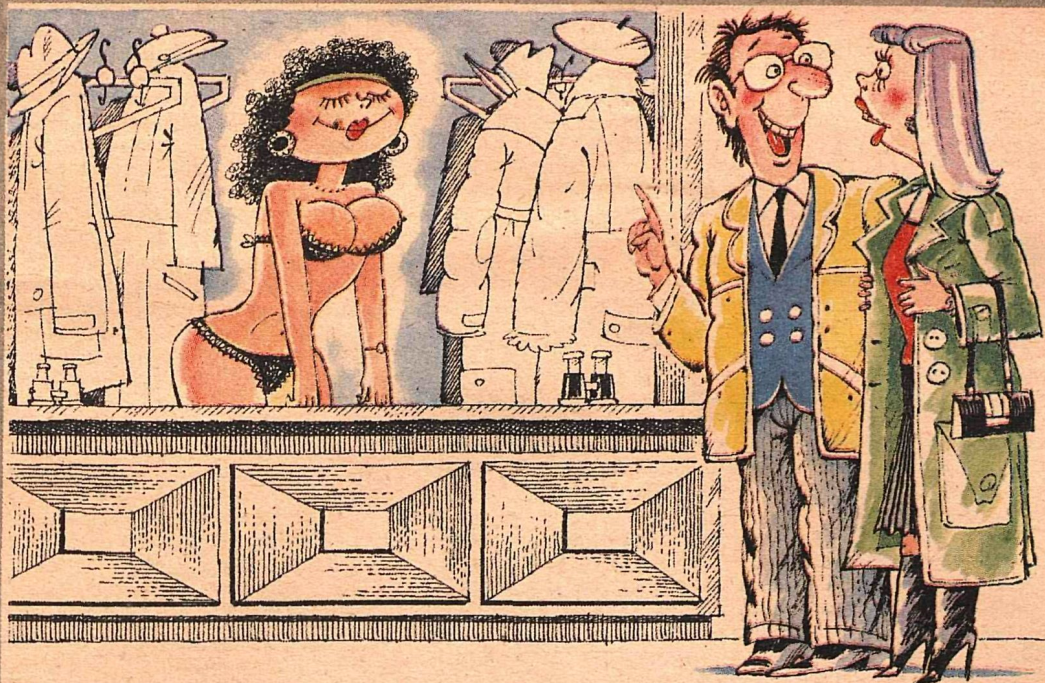
в объятиях супруги, он недрогнувшей рукой направил машину в пропасть, куда она долго и красиво летела и где она потом столь же долго и эффектно горела. Очень стало мне «Волгу» жалко, а вот героев — ни капельки. Ни мне, ни — судя по фильму — авторам. И на душе почему-то стало мерзко и гадко, словно в грязи вывалялся. Несмотря на полный джентльменский набор развлекательно-зрелищных моментов. Тут тебе и бандиты, и драки, и погони, и разорванные в клочья страсти, и ее Величество — некоронованная королева экрана — эротика. Кстати, о последней. Когда героиня раздевается перед потенциальным насильником и я вижу — прошу прощения — ее тело, взращенное в условиях невыполнения Продовольственной программы и хронического дефицита импортного женского белья, то вполне понимаю, почему этот самый зек, несмотря на длительное воздержание, так и не смог проявить свои мужские достоинства. В общем, товарищи прокатчики, не ставьте на афишах грозную надпись «детям до шестнадцати», потому как подобная «эротика» надолго может отбить у самого «озабоченного» подростка всякое стремление к прекрасному полу. Впрочем, и у взрослого тоже...

Как зато улучшилось мое настроение, когда я следом посмотрел грузинскую картину «Операция «Вундерланд» (сценарий А. Молдавского, постановка О. Коберидзе). Нет, честное слово, я давно так искренне и от души не смеялся. Хотя это и не комедия про кубанских казаков. Напротив, по замыслу создателей, трагедия времен Великой Отечественной, в основу которой

положен реальный факт, когда наш старенький ледокол «Александр Себряков» дал бой во льдах немецкому крейсеру и ценой собственной гибели спас караван советских судов. Грешно смеяться, но ничего не могу с собой поделать, когда вижу на экране полную антологию штампов фильмов про войну периода застоя, снятую почему-то сегодня. И картонные персонажи «ихних» и наших моряков. И макетные морские баталии. И банальнейшие, стертые от многократного употребления до пародийности диалоги. И ложенные немцы, «кайфующие» от канканирующих красок. И наши мудрые адмиралы, каменюющие лицами при телефонном разговоре с отцом всех народов, а затем шпарящие тексты из учебников истории прошлых лет. И актеры, хорошие актеры, которые играют здесь так беспомощно и бездарно, что, кажется порой, и не играют они вовсе, а только сдерживаются, чтобы не рассмеяться над своими персонажами и над словами, которые они произносят. В картине все так фальшиво и неестественно, что это даже не вызывает — по крайней мере у меня — ни горечи, ни возмущения, как не вызывает этих чувств иная зарубежная развесистая клюква про нашу жизнь.

Господи, до чего же мы дожили! Мы смеемся над тем, над чем смеяться не должны. И ожесточаемся душой, видя беспросветность собственной жизни на экране. Словом, очень хочу «Кубанских казаков». Хотя бы на время, для передыха. Потому что душа, конечно, обязана трудиться, но не впустую. Иначе надорвется, бедная...

П. СМЕРНОВ.

— Раз театр начинается с вешалки, представляешь, в каком виде будут актеры!

В. УБОРЕВИЧ-БОРОВСКИЙ, Р. ДРУКМАН (тема).

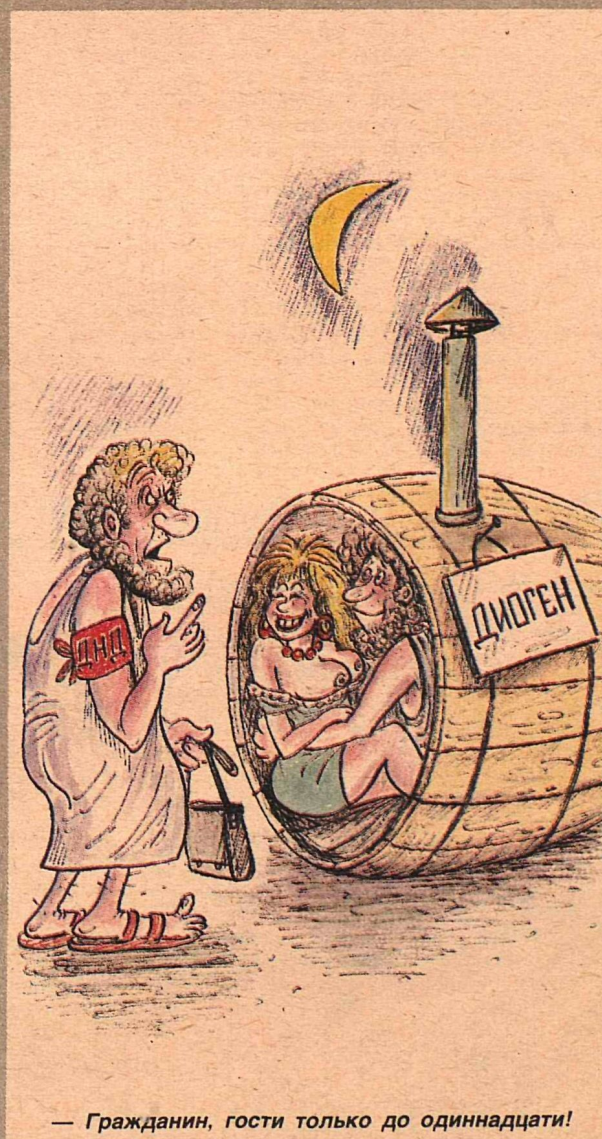
Н. МАЛОВ.

О. ТЕСЛЕР, М. ВАЙСБОРД (тема).

В. ЛУГОВКИН.

Р. ДРУКМАН.

— В баночке всего десять орехов. Много ли на килограмм выйдет?
— Не знаю. Банкой продаю.
— Ну, а если на килограмм?
— Не знаю... Рублей десять... Банкой продаю. Бери банкой.
— Почему арбузы?
— Рубль килограмм.
— А дыня?
— Два рубля. Вот эти — два пятьдесят.

Второй узбек молод, здоров, круглолиц. На нем шапка, распахнутый, на свитер, полушубок. Он стоит вольно, положив одну руку на окованный белой жстью прилавок. На прилавке перед ним десятка три дынь разной величины. Одна дыня разрезана, рядом длинный, узкий нож. Можно подойти, попросить попробовать дыню на вкус. За спиной узбека, между двумя торговыми рядами, как в закроме, горы желто-коричневых дынь. Глядя на них, думаешь не о грузовиках, а о вагонах. Дыни спелые, сочные, хрустят под ножом...

Небольшого роста старичок с матерчатой сумкой в руках, куда он положил купленные помидоры и лук, останавливается около дынных завалов и долго и изумленно смотрит на узбека, на товар его.

— Это сколько же здесь... того... килограммов будет всего, сынок, а?

— Мы килограммами не мерим, — улыбается, открывая белые крупные зубы, узбек, — вагонами покупаем, вагонами продаем. Это вы килограммы-граммы считаете. Покупай, не дыня — мед, сама во рту тает. Самая дешевая цена!..

Старик хочет сказать что-то еще, но не решается, уходит.

Рослая, грудастая, румянощекая молодуха в расстегнутом светло-коричневом плаще, в пуховом, сползшем на шею платке продает на развес яблоки. Яблоки по величине и цвету разложены на четыре кучки, разная им и цена. Самые крупные и красивые (прямо загляденье — не яблоки) стоят три пятьдесят килограмм, помельче чуток, побледнее — два пятьдесят, еще помельче — два, а самые обыкновенные — полтора рубля килограмм. В перерывах между покупателями молодуха разрезает на четыре части (из тех, что поскромнее) яблоко и так вкусно с хрустом ест, что многие останавливаются, с улыбкой смотрят на нее.

— Почему яблочки, Василиса Прекрасная?

— Цены указаны. Вот они, читайте.

— Сама наилася, как яблоко. Так бы и укусил.

— Ладно, иди.

Возле киоска «Фрукты — овощи»

продают яблоки по семьдесят копеек килограмм. Яблоки зеленые, сморщенные, невзрачные. Редко кто подходит, берет. А чуть дальше продают помидоры по пятьдесят копеек. Помидоры мелкие, незрелые, много гнили. Но есть выбор, потому-то покупатели и стоят. Еще дальше, прямо на самом конце прилавка, продают мороженую треску. Треску, которую еще несколько лет назад и за рыбу не считали. Народу за треской тьма. Берут (рыбины крупные) по три, четыре, пять рыбин.

В последнем ряду, где продают картошку, но в противоположном конце, идет торговля шапками. Вязаные, из ниток овечьей шерсти, из кроличьего пуха, меховые — из шкурки нутрии. Мужскими шапками из нутрии торгует статный такой молодец лет тридцати — тридцати пяти. На нем осенняя желтая спортивная куртка, джинсы, широкие поля фетровой шляпы загнуты, как у ковбоя из «Великолепной семерки», да и сам он, ухватистый, с крайне бедным лицом похож на ковбоя. Изнывая от избытка сил, сунув руки в рукава расстегнутой куртки, он похаживает туда-сюда около своего товара, поглядывая по сторонам, тихонечко посвистывая.

На прилавке расстелена газета, на газете рядками разложены шапки, тут же — стоящее зеркало, примеривающий может взглянуть на себя: хороша ли шапка, подходит ли к овалу лица, цвету бровей, глаз. Цена шапкам разная — от ста тридцати рублей и выше, в зависимости от размера.

— Разве это деньги — сто пятьдесят рублей, в наше-то время? — рассуждает «ковбой» перед покупателем, который с сомнением вертит шапку в руках. — В магазинах шапочки видел? До тысячи доходят. Это цена, да. Я примерять разрешаю, а те и в руки не дают: называешь размер, платишь, берешь. А сто пятьдесят — тыфу, не деньги. Шишкар, кто занимается шишками вплотную, по сотне шутя в день заколачивают. Один бьет, второй шелушит, третий продает. Конвейер, понятно? А тут шапка — дорого! Да ты носишь ее будешь лет... внукам останется доншивать. Нутрия — это тебе не кролик.

На выходе, перед воротами и за воротами, в два ряда стоят, сидят на перевернутых тарных ящиках продавцы кедрового ореха, большей частью мужики. В ногах у каждого раскрытый мешок шелушенного, провеянного ореха, в зерна утоплен для устойчивости наполненный стаканчик, цена стаканчика — пятьдесят копеек. Среди прочих стоит высокий, сухощавый мужик лет сорока с продолговатым приятным лицом, заросшим небольшой седеющей бородой, с умными глазами. На голове его опрятная кепка, седеющие же

отросшие волосы касаются концами ворота хлопчатобумажной темной куртки, надетой на клетчатую рубашу. Из такой же материи штаны его заправлены в сапоги. У мужика умное лицо мастерового, плотника. Ходили в старину по Руси, заткнув остро отточенные топоры за пояски, такие вот плотники, рубили избы, амбары и церкви, бани и сторожевые башни с узкими прорезами бойниц. Но это же лицо могло быть и лицом сельского интеллигента — экономиста, агронома, учителя-книголюбца и правдоискателя. За руками он не следит. Руки немыты, ногти грязны, острижены неровно, будто обломаны. А может, и обломаны.

Голос у мужика негромкий, тенористый, не раздражающий. Он охотно разговаривает со стоящим напротив горожанином, одетым в темно-зеленый, как плащ-палатка, строгий плащ, синий берет, сдвинутый на правую бровь.

— Конечно, для нас, сельских жителей, самое выгодное дело — шишкой. Даже когда неурожай, все одно копейка в кармане звенит. Ну, а если ветки кедровые ломаются от шишек, тут не зевай, тут рубли сами плывут в руки. День, как рассуждают, год кормит. Нынче урожай неслыханный, все в тайгу кинулись. Многим огороды деньгу порядочную приносят: лучок, чесночок, редисочка на базаре в круглый рубль оборачиваются. Ягодки всякие. Облепиха, скажем, самая дорогая ягода. Только на одной облепихе можно — ого-го, ежели с умом взяться. Теперь и на селе почти у каждого машины, а уж мотоциклы с коляской — обязательно. Оборвал куст облепихи, в машину — и на базар. Лучок, редисочку собрал с грядки, в машину — и на базар. Это на огороде, а ведь и за огородом ягоды полно. Лесной. Кисличка, малинка, смородинка, брусничка, клюковка, калинка, рябинка, черемуха, боярка, шиповник. Город все купит, за все заплатит рублем, только давай, только вези. Но я, признаться, не охотник до всего этого. Шишкой — это мое, этим я ко-оторый годок занимаюсь. Набил, отшелушил, провеял, прокалил, ежели есть охота. И пряمهюханко на базар, пятьдесят копеек стаканчик, милое дело. Труды особого не нужно. Тайга... само посажено, полито. Бери.

— И для себя заготовили? — улыбаясь, спрашивает горожанин.

— А как же! — улыбаясь, восклицает мужик. — Для себя в первую очередь. Отборного засыпал в закрома, до нового урожая не пощелкать.

— А рябина черноплодная ваша? — Горожанин указывает на стоящую в ногах мужика рядом с мешком корзину, наполненную доверху черно-синей крупноплодной. Корзина добротно и ак-

куратно сплетена из тонких ивовых прутьев. И удобная, чувствовалось, была в руках.

— Моя. У меня несколько кустов ее, черноплодки. Я, как еду сюда, обычно мешок орехов беру и корзинку черноплодки. Дешево отдаю, семь рублей корзинка. Полезная ягода, следует заметить: давление понижает, ежели сырую ешь. Я из нее вино делаю. Прекрасное вино получается. И чем дольше стоит, тем мягче за душу берет. Градусов до двадцати дотягивает. Сырую черноплодку пожевал — сбил давление, пару кружечек вина опрокинул — поднял давление. Так и регулируем. Но пользительнее всего, скажу вам, кедровый балзам. Не доводилось пробовать? Ну-у, как же так?! Сами готовим — способ верный и простой: спирт разведенный, орех. Потребляю натурально: утром стопочку, в полдень стопочку, вечером еще одну. Хорошо-о!

— Вижу, вы специалист.

— А как же, всему жизнь научит.

— А где же вы живете?

— Недалеко. В Протопопове, тридцать километров от города. Места кедровые, шишка сама в карман падает.

— И часто на базаре бываете?

— Да почти каждый божий день.

— А как же работа?

— Работаю. На стройке сторожем.

Ночь отдежурил, двое суток дома. На все время хватает. Вот вы, горожане...

— Да я недавно в городе живу. Родился и вырос в деревне.

— Где же? В нашей области?

— На речке Шегарке.

— В Шегарском районе?

— Не-ет, в бывшем Пихтовском.

В верховьях Шегарки.

— А-а...

— Ну ладно, спасибо за разговоры.

— Не стоит.

— Тетка, а что это у тебя в ведре?

Грибы, что ли?

— Сухой черный груздь. Или не видишь?

— Что-то он и на груздь не похож.

— Настоящий черный груздь. Вымочить, отварить, засолить. Зимой первая закуска. «Не похож»? Груздь не видал небось!

— И сколько же ведро стоит?

— Десять рублей. Задаром почти отдаю. Берешь, так рубль сбавлю.

— Нет, не пойдет.

— Хе, покупатель!..

— А почему у вас?..

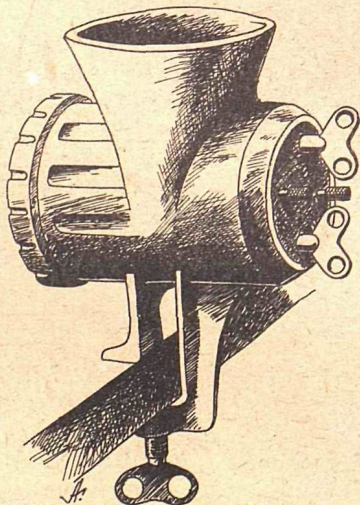
Купив что нужно, тем же путем возвращаюсь домой. Иду медленно. А день звенит. Над полянами шегарскими, должно, паутину тянет блестящую. Хочется поехать в лес, побыть одному. Скоро погода переменится, польют затяжные дожди, а после ляжет на сырую землю белый снег...

г. Томск.

КРОКОДИЛИНКИ

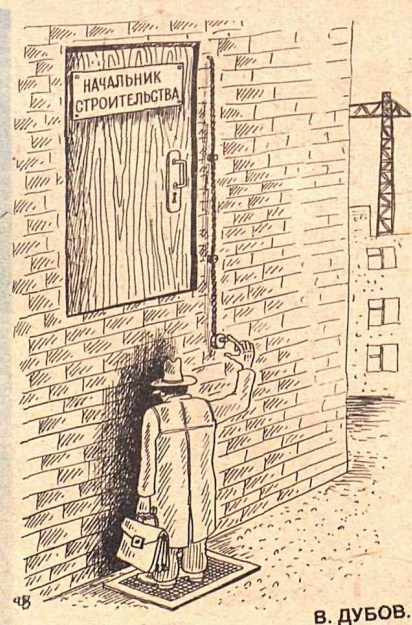
С. БОГАЧЕВ.

А. ГУРСКИЙ, г. Минск.

— Милиция? Тут начинается несанкционированный митинг!

В. ДУБОВ.

— ТОЛЬКО НЕ НАДО ОБЩЕИЗВЕСТНОГО! —

строго сказал мне редактор международного отдела. — Например, не вздумай «открыть Америку», что в ФРГ всего лишь 10 процентов населения кормят всю страну. Договорились?

— Договорились, — киваю. — Правда, не 10, а 5 процентов кормят всю страну да еще продают за рубеж, но... не буду.

— И не нервюй в сотый раз нашу общественность рассказывая о том, что там 90 сортов колбас. Идет?

— Идет. Правда, не 90, а около 1500... но — не буду.

— Ну и, само собой, не надо про то, что тамошний редактор международного отдела зарабатывает в 5 раз больше, чем я. Ладно?

— Ладно, но... не в 5, а в 10 раз. Извини... не буду об этом.

ОДИН ЧИТАТЕЛЬ ВЗМОЛИЛСЯ...

Между прочим, чисто «крокодильских» сюжетов в моем блокноте почти и нет. Куда ни посмотрю — ну, как назло, ничего нелепого, ноль бестолкового, полное отсутствие дурацкого, ничтожная часть смешного. Не позабудешь здешним фельетонистам — не о чем писать. Они, похоже, и не пишут. В Кёльне я пролистал подшивку «Кёльнше рундшау» и не обнаружил ни одного фельетона, никакой сатиры, кроме карикатур. Потом уже, в редакции газеты, подкалываю главного редактора Юргена Ягла:

— Что, у вас всё так прекрасно? Нет проблем?

— Отнюдь! Мы, по-моему, наоборот, печатаем слишком много негатива. Тут один читатель взмолился: «Хватит мрачного! Надоело!»

— А я что-то не заметил критических публикаций...

— Ну что вы, — улыбается шеф-редактор, — чуть ли не в каждом номере — убийства, катастрофы, крушения, жертвы!

— Но... я-то имел в виду сатиру, памфлеты, юмор.

— Да, этого, признаюсь, маловато. Ну, юмор-то у нас представлен. В карикатурах, в основном, правда, на семейные темы, а сатира политическая. А что еще-то надо?

Он перевел разговор на нашу перестройку:

— Моя газета независимая, не принадлежит какой-либо партии, но мы без всяких политических оговорок — на стороне Горбачева.

— Почему ж так — без оговорок даже?

— А потому что Горбачев для нас — гарант разоружения и разумных отношений между Востоком и Западом...

— Тем не менее вы в газете даёте много негатива об СССР. Читатели ваши могут ведь не так понять.

— Мы за правдивую информацию. А кто поймет как-нибудь не так, что ж... Идиоты есть в обоих лагерях.

— Итак, вы — однозначно за сотрудничество с нами?

— Да. Правда... не обижайтесь, но ваша трудовая мораль должна быть улучшена. Иначе все может утонуть в словах. А то наши фирмы боятся заключать с вами сделки. Один мой знакомый бизнесмен, машиностроитель, три года назад создал в СССР совместное предприятие, но до сего дня не получил никакой прибыли! И все же мы оптимисты. Мы — за Горбачева!

Григорий КРОШИН, специальный корреспондент Крокодила

МУЖИКИ НА ФАСАДЕ,

или О нетипичном визите Крокодила в Западную Германию

Помните, в прошлогоднем 26-м номере был материал «Не бранное слово»? О фирме «Байер» из ФРГ, внедряющей по всему миру (а теперь и у нас) средства химической защиты растений. А по-русски — пестициды, извините за бранное слово, но... В упомянутой публикации как раз и доказывалось: не такое уж оно и бранное. Если, конечно, применять препараты по науке, как советует фирма. Мы были засомневались: а как, мол, с точки зрения экологии? Не вредит ли? Что же, сказали нам, «приезжайте, убедитесь сами». И не только сказали, но и написали: «Приглашаем Крокодила для информационного визита».

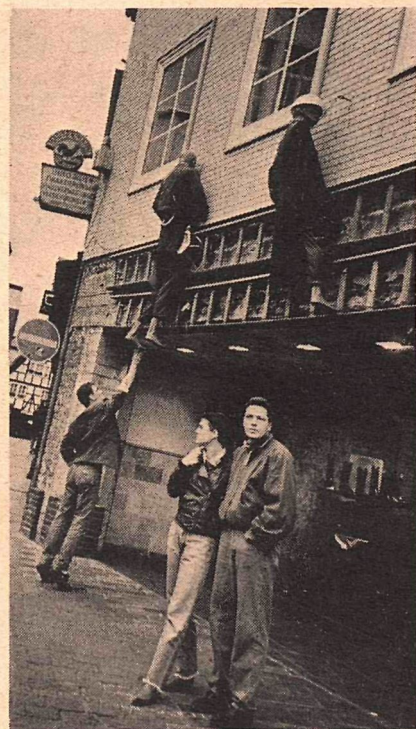
Но время, как известно, летит стремглав. А ныне — особенно. Эпохи сменяются не в десятилетия и даже не годы, а в месяцы и даже дни и часы. И сегодня по сравнению с прошлым годом октябрь, когда состоялся информационный визит, немцы живут уже новыми заботами: воссоединение обеих Германий, прошедшие выборы в парламент ГДР, предстоящие выборы канцлера ФРГ... Вполне осознавая важность этих проблем, спецкор тем не менее в предлагаемых фотонovelлах поведал читателю лишь о том, что видел сам, лично, тогда, полгода назад. Не более того. Итак...

Да, это видно здесь повсюду. Личность советского лидера у немцев весьма популярна. А в Кёльне захожу в магазин и вижу — самый модный товар сегодня (фото).

ВСЕ ТУТ НЕСПРОСТА

На тесной боннской улочке еще издали замечаю: на одном из фасадов на уровне второго этажа лицом к стене два мужика висят. Видимо, строители, потому что в спецовках, а один в каске.

Правда, босые. А в остальном — ничего вроде особенного. Никто из прохожих и не обращает на них никакого внимания. Только парень лет двадцати пяти, пробежавший мимо, решил пощекотать висящему босую пятку. Смотрю, босой немецкий строитель на это постороннее щекотание — абсолютный ноль внимания. Сумасшедшая у этих немцев невозмутимость. И вообще... что-то здесь явно не то, какая-то тайна есть. Подхожу поближе и что же вижу?

Сплошной обман трудящихся масс: никакие это не мужики, хотя в каске и на босу ногу, — обычные манекены в человеческий рост. Интересно, смысл-то какой в этом маскараде?

— Смысл есть, — щекотавший любезно разъясняет иностранцу. — Видите, идет реконструкция фасада?

— Но ведь это манекены?! Значит, никакой реконструкции не идет!

— Сегодня суббота — у строителей выходной. Но некрасиво ведь оставлять на виду у всех облупленную стену, согласны? Поэтому так придумано: пока на этой стене не работают, пусть висят манекены. Прохожие не раздражаются от бесхозного вида, а улыбаются, ферштейн?

НАГЛЯДНУЮ АГИТАЦИЮ — В ПОДАРОК

— Где?! — с горящими глазами спросит соотечественник-читатель. Он, конечно, и за плату взял бы с превеликим удовольствием, только скажи, где...

Отвечу не без сожаления: тут он, этот дармовой товар, в Кёльне, земля Северный Рейн-Вестфалия. А по какой же такой причине, спросите, бесплатно? Может, намечилось незапланированное переизготовление презервативов, вот уже не ведают, куда добро девать? Или, быть может, эти «изделия № 2» (по нашей родной классификации) — сплошной брак, успешно отловленный местным отделением госприемки?

Оказывается, нет. Ни то, ни другое. А третье: для того, чтобы приобрести бесплатно столь жизненно необходимый товар, надо просто... войти в этот белый шатер, разбитый на кёльской площади.

Вход, кстати, тоже бесплатный. Для всех без исключения. А особое расположение — к юным посетителям. На входе в гостеприимный шатер — лозунг: «НЕ ДАВАЙ ШАНСОВ СПИДУ!»

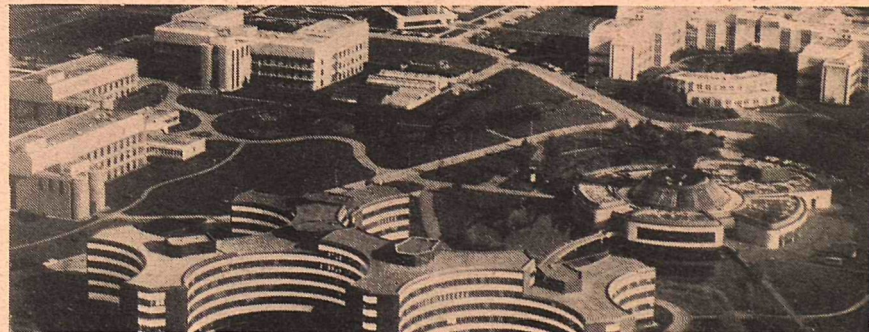
Это передвижной центр борьбы со страшной болезнью. А внутри просторного шатра — столы с наглядной агитацией: медлитература, плакаты с изображением обнаженных влюбленных пар и броской фразой типа «Делайте всё, что вы делаете всегда, но — с применением...» и к месту реклама «изделия № 2» в разнообразных модификациях. И тут же — на соседних столах — горы этих самых модификаций в ярчайшей упаковке. Рядом стопки всяческих блокнотов, записных книжек, авторучек, спичек — все, естественно, с изобретательной антиспидовской символикой, подчас весьма откровенной для нашего глаза. И все это тоже бесплатно — бери сколько хочешь, дари любимым, пользуйся на здоровье сам, поделись с товарищем...

В темном торце помещения замечаю экран, стулья в несколько рядов. Здесь крутят фильмы о борьбе со СПИДом.

— Как идет борьба? — интересуюсь у девушек за столами.

— Гут, — серьезно отвечает Доротея Дитцольд, на вид ей лет двадцать. — Видите, сколько молодых парней пришло. Читают, смотрят фильмы, потом, может быть, станут думать.

— Сейчас главное — заставить думать о СПИДе, — добавляет ее коллега Халена Бройх.

— Вы специалисты-медики? — спрашиваю.

— Нет. После средней школы мы окончили учебные курсы по специальности «Социальная педагогика».

Они настоящие энтузиасты-профессионалы. Без устали ездят со своим шатром из города в город и пропагандируют, и разъясняют, и убеждают. Оплачивает их работу специальный фонд по борьбе со СПИДом, к пополнению которого здесь относятся очень серьезно.

КОНЦЕПЦИЯ ФИРМЫ «БАЙЕР»

И наконец, о деятельности фирмы «Байер». Доктор Ульрих Цилленкенс, ведущий специалист Центра защиты растений, показывает нам ультрасовременный свой центр, что в городке Монгейм той же земли Северный Рейн-Вестфалия. Водит по его лабораториям, знакомит с технологией исследования препаратов в смысле охраны экологии:

— Герр Крошин, обязательно напишите в «Крокодиле», что заботы об охране окружающей среды — наши главные заботы! Смотрите: из каждых исследуемых 20 тысяч новых химических субстанций в продажу мы выпускаем лишь... 2—3! Почему так мало? А потому что идет строжайший отбор САМЫХ БЕЗВРЕДНЫХ. Сначала происходит первичный отбор пестицидов в наших институтах — из этих двадцати тысяч отбирают примерно 400 препаратов для дальнейшего исследования. А затем уже после многократных испытаний — эти самые 2—3... Это, между прочим, довольно долгое дело: цикл прохождения одного препарата через все необходимые исследовательские «сети» примерно 10 лет. Стоит нам этот один препарат около 2 миллионов марок ФРГ. Каждый!!! Третья часть всех затрат идет на заботы об охране среды.

— Кто-то контролирует вас извне? Или вы сами себя?

— Нет, не только сами. На полпути исследования каждого нового препарата подключаются специализированные контролеры — Министерство охраны природы земли Северный Рейн-Вестфалия, парламентские комиссии, местные «зеленые» и так далее. Если обнаруживается, что препарат хоть в какой-то степени вреден для природы и человека, — категорически снимаем с производства!

— Этого принципа вы придерживаетесь и на объектах в СССР?

— Конечно. Больше того, зная, как у вас скомпрометированы пестициды многолетней негодной практикой их применения, мы еще строже подходим к своей деятельности у вас. Достаточно сказать, что из 20 наших препаратов, уже официально зарегистрированных в СССР, то есть признанных и вашей стороной абсолютно безвредными, мы пока применяем лишь... 5—6. Так что можете верить своим читателям, что наши препараты **безопасны** в ваших условиях.

— Насколько широк диапазон возможностей вашего Центра?

— Он широк, но... мы не всеядны. Мы стараемся особо не расширять круг наших работ. Мы не можем себе позволить расслабиться, нас сразу же обгонят конкуренты. Концепция фирмы «Байер» такова: **мы делаем только то, что хорошо умеем**. Несвойственными функциями не занимаемся.

Что ж, достойная концепция, не правда ли?

Кёльн — Бонн — Монгейм — Москва.

Арт БУХВАЛЬД (США)

МОЯ ЖЕНА БОРЕТСЯ С ИНФЛЯЦИЕЙ

В период инфляции люди покупают все, что им попадется под руку, лишь бы хорошо вложить деньги.

Моя жена не исключение. Недавно она купила персидский ковер размером чуть больше мужского носового платка.

— Тебе нравится? — спросила она.

— Можно ли узнать, сколько это стоит?

— Шестьсот долларов.

— Ты отдала шесть сотен за коврик, на котором одновременно не могут стоять два человека?

— Да, и это замечательное вложение денег. Лайза Стивенсон три года назад купила подобный ковер за 400 долларов, а сейчас может получить за него уже 3000!

— То же самое ты мне говорила о картине, за которую пять лет назад отвалила 800 долларов!

— И хорошо сделала. Сегодня она стоит по крайней мере в четыре раза дороже.

— Тогда давай ее продадим!

— Ты что, сумасшедший? Зачем?

— Чтобы получить много денег.

— А чем ты заменишь картину?

— Мы купим другую за 800 долларов и через пять лет опять ее продадим за большие деньги!

— За 800 долларов ты такую картину не купишь.

— Раз ты не хочешь ее продавать, то я думаю, что эта покупка не была выгодной. То же самое я думаю и о твоём новом мини-ковре, дорогая!

— Чем дольше у тебя находятся вещи, тем более ценными они становятся. И мы с ними расстанемся, только когда будет крайняя нужда в деньгах.

— Когда наступят черные дни, то вряд ли у людей найдутся деньги, чтобы покупать такую ерунду.

— Продавец меня уверил, что возьмет этот ковер обратно, когда я только этого пожелаю.

— Это говорят все: торговцы коврами, антиквары, ювелиры. Но пробовала ли ты когда-нибудь проверить их слова на деле?

— Это ни к чему, потому что эти вещи все время дорожают.

— Тогда, как настоящим спекулянтам, нам следовало бы быстренько все продать, чтобы подзаработать на этом денег.

— Ни за что! При инфляции единственное верное средство — вкладывать деньги в ценные предметы, — подвела итог спору моя умная жена.

Через некоторое время я позвонил Стивенсону, супругу упомянутой Лайзы.

— Привет! Не хочешь ли купить отличный персидский коврик? Первоначальная цена у него была 600 долларов, а я тебе его продам всего за 1000!

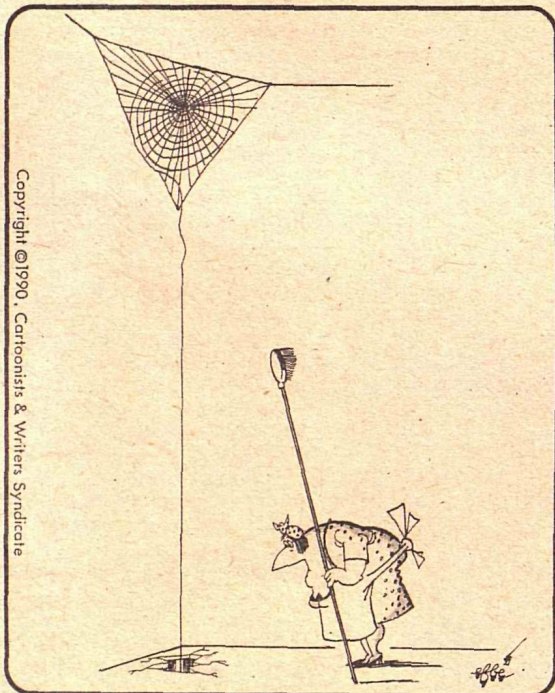
— В честь чего? Не хочу! Но я тебе могу предложить тоже один ковер стоимостью 3000 долларов, причем всего за четыре сотни!

— Вот, значит, как обстоят дела, — пробормотал я и положил трубку.

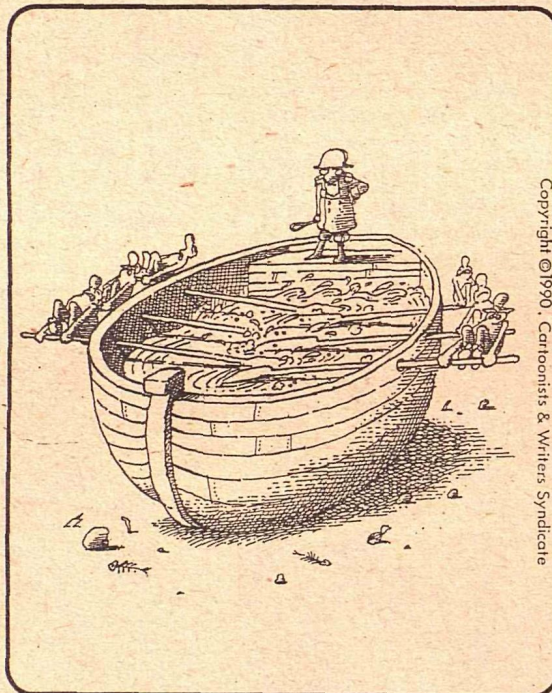
После этого прилег на кушетку (куплена за 300 долларов, сейчас стоит уже 1200) и задумался: где взять деньги, чтобы уплатить по счетам за коммунальные услуги?

Перевел Игорь ИЛИНГИН.

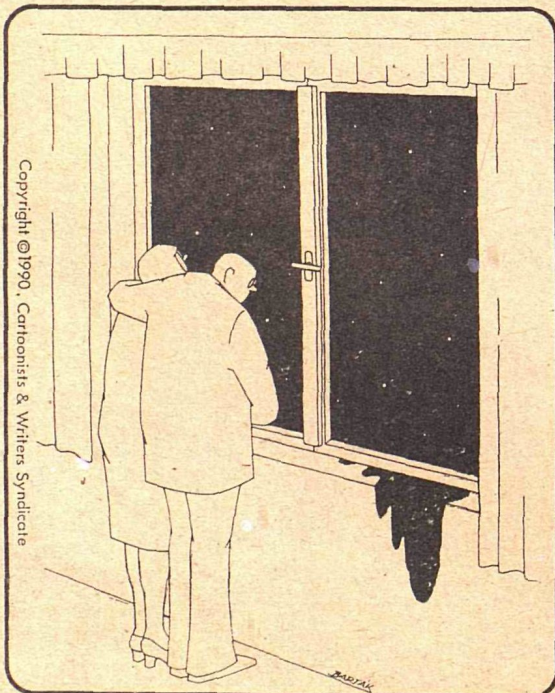
LIM

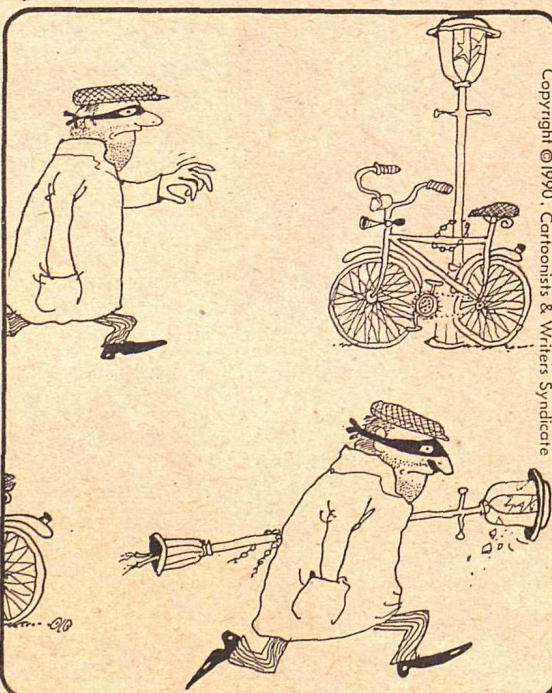
ЭФБЕ, Амстердам, Нидерланды.

ПЕТРИЧИЧ, Белград, Югославия.

БАРТАК, Прага, Чехословакия.

ОЛО, Варшава, Польша.

В мастерскую художника приходит его приятель и восторженно разглядывает одну из картин.

— Очень здорово! Сколько бы ты хотел за нее получить?

— Десять тысяч.

— Слушай, ты назначаешь такую цену, как будто ты уже сто лет как умер.

— Знаешь, почему этот отель всегда пуст?

— Нет.

— Потому что они повесили объявление: «У нас вы будете всегда чувствовать себя, как дома».

Машальский пожаловал в гости к деревенским родственникам.

— Как тебе нравится у нас? — спрашивают они его.

— Чудесно! Остается только удивляться, почему здесь еще до сих пор не построили города.

— Тебя даже не интересует, почему я плачу! — упрекает жена мужа. — Хочешь, скажу?

— Нет-нет, у меня нет таких денег...

— У моей жены самая отвратительная память на свете.

— Все забывает?

— Все помнит...

Молодой корсиканец просит своего приятеля:

— Одолжи мне двадцать франков до получки!

— До получки? — переспрашивает приятель. — А когда это?

— Понятия не имею! Ведь это ты работаешь...

Жена обращается к своему зевающему мужу:

— Слушай, раз уж у тебя все равно рот открыт, крикни нашему малышу, чтобы он шел домой...

Сержант собирает солдат и объявляет:

— В следующее воскресенье будет военный парад. Если утром будет дождь, парад состоится во второй половине дня, а если дождь будет после обеда, то парад состоится утром...

— Почему ты сидишь у рояля, ведь ты не умеешь играть?

— Для того, чтобы сюда не уселся кто-нибудь, кто думает, что умеет.

Из «Стыришела», Болгария, «Дикобраза», Чехословакия, и сборника «Словарь анекдотов», Франция.

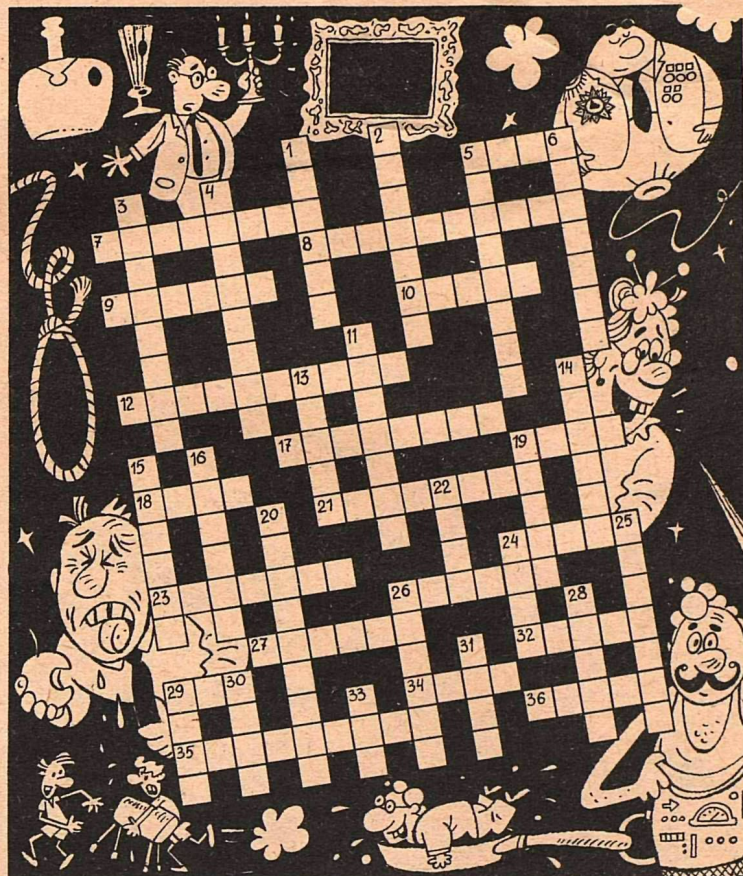

А. СИВИЦКИЙ, Ю. ТИМЯНСКИЙ.

Дружеский шарж И. ЛОСОСИНОВА.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Спортлото по-быстрому. 2. Домашняя программа для запоздавшего мужа. 3. Книжная деталь, из-за которой кое-кто меняет обои. 4. Не дорожка, так самобранка. 5. Дорога на высоком уровне. 6. То, ради чего каждый готов стать его кузнецом. 11. Выпечка для шофера. 13. Материал, который строители тут же объявляют дефицитным, если начнут строить в Сахаре. 14. Прощальный подарок золотой рыбки. 15. Дразнилка для быка. 16. «Деспот меж людей» (пушк.). 19. Приспособление для отдыха в подвешенном состоянии (садов.). 20. Глинопись. 22. Приманка для аргонатов. 24. Произведение искусства, видимое только в темноте. 25. Приставка к сараю (этимолог.). 26. Рулеточный заgrabель. 28. Дышло (устар. юридич.). 29. Степень между вече и парламентом (отечествен.). 30. Кислятина на лице. 31. Минус на минус. 33. Катающийся в масле.

Составил
И. КЮНАВИ.

ОТВЕТЫ НА КВК. ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 14

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Кейс. 3. Тропа. 6. Мисс. 8. Повар. 9. Обвал. 11. Палка. 13. Игрок. 16. Сено. 17. Орда. 18. Кашпо. 19. Зеро. 20. Корт. 22. Поиск. 25. Карта. 27. Яхонт. 29. Рыбка. 31. Срок. 32. Лавки. 33. Сажа.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1.Кино. 2. Спарта. 4. Румяна. 5. Пирог. 6. Молоко. 7. Сова. 8. Пляс. 10. Лужа. 11. Потоп. 12. Кокос. 14. Гроза. 15. Ковка. 19. Заря. 21. Туча. 23. Острик. 24. Кройка. 25. Колпак. 26. Термос. 28. Хаос. 30. Коса.

«...ТЫ ЕГО НЕ БУДИ»

Одним из самых нудных проповедников был английский священник Роберт Саут, который в 1689 году ухитрился усыпить своей проповедью всех прихожан, включая короля Англии Вильгельма III. Преподобному Сауту пришлось даже прервать свои разглагольствования и заявить во всеуслышание: «Пробудитесь, милорд Лодердейл! Вы так громко храпите, что можете разбудить Его Величество!»

ИЗОБРЕТЯ ВЕЛОСИПЕД

Эти курьезные хроникальные заметки были напечатаны в выходившем в конце прошлого века петербургском журнале «Велосипед».

Американский фабрикант велосипедов предоставил дамам такие удобства, которыми они должны остаться довольны. Он устроил не более и не менее, как туалетный столик на велосипеде! На руле расположен род подноса, представляющего собой коробку, в которой находится все необходимое для туалета, а именно: ножницы, подпилоч для ногтей, пухок для пудры и т.д. На дне коробки имеется зеркало, так что велосипедистка имеет возможность, подъезжая к городу, привести себя в порядок, поправить прическу, испорченную быстрой ездой. Но это не все. Велосипедистка должна еще завить себе котельные локоны. Фабрикант не забыл и этого. Ручка тормоза отвертывается и заключа-

ет в себе щипцы. Велосипедистка зажигает фонарь, нагревает щипцы и заканчивает свой туалет.

В Нью-Йорке нередко можно видеть велосипедиста, пользующегося для предупреждения прохожих вместо звонка услугами попутя, сидящего преспокойно на руле, к которому он привязан цепочкою. Каждый раз, когда возникает опасность столкновения, эта умная птица кричит что есть силы: «Берегись, эй ты!», и все расступаются. Полугай, пишет журнал, производит такой фурор, что массажи стали покупать этих птиц для подобных целей, и цены на них стали быстро подниматься.

Велосипедный спорт начинает развиваться и в Египте, особенно в Каире. Назло велосипедистам в Каире весьма много собак, очень недружелюбно относящихся к любителям велосипедной езды. Впрочем, в последнее время придуман оригинальный способ против собак: впереди или рядом с велосипедистом бежит нанятый человек с длинной палкой и отгоняет собак. Доехав до черты города, велосипедисты оставляют своего защитника и уже самостоятельно продолжают свой путь. Когда же они возвращаются в город, скоростной с палкой, дождавшийся их, опять отгоняет собак.

На одном американском кладбище можно прочесть следующую надпись:

«Здесь покоится прах К.С. Джигинса, не желавшего ездить на велосипеде фирмы «Смит»; он сломал себе шею на велосипеде фабрики Джонсона».

ХУЛИГАН ИЛИ ПИСАТЕЛЬ?

Писатель Арцыбашев — человек, по определению Горького, «глухой, слепой и с насморком» — просил кассиршу очень маленького летнего театра в Балаклаве, где он жил в 1909 году с женой, оставить для него два билета в первом ряду, а кассирша забыла об этом. Продавала билеты она, сидя за столиком на берегу бухты, у входа в театр. Арцыбашев подошел перед самым началом спектакля и узнал от кассирши, что все билеты на первый ряд проданы.

— А-а! Вот как! Проданы? — И Арцыбашев схватил столик и бросил его в бухту со всей выручкой. Потом торжественно удалился под крики и свистки публики...

Эта история стала достоянием газет, которые не скупились на весьма резкие выражения в адрес Арцыбашева, который был, кстати, очень доволен поднятой шумихой.

— Представляете, — говорил он Сергею-Ценскому, — сколько человек прочтет во всех концах России об Арцыбашеве — десятки тысяч!.. Завязнет у всех в мозгах фамилия моя — Арцыбашев — у ста тысяч, может быть, человек.

— С эпитетом «хулиган», конечно, завязнет,— возразил Сергеев-Ценский.

— Забудут об этом, поверьте мне, все забудут! Хулиган или писатель — разве это важно? Важно, чтобы фамилию запомнили...

Близнецов («ССС») нянчили П. АНОДИН (Таганрог), Ю. БОНДАРЕНКО (Ленинград) и В. ЛЮДМИЛИН (Москва).

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

Прислал А. Пикалов,
Пермская область.

Запрещается начинать работы
до устранения правил техники
безопасности:

(Из наряда-путевки
горного мастера).
Прислал С.Скотарь,
Ворошиловградская область.

«Мастерская ставит набойки только на женскую ногу».

(Объявление).
Прислал С. Баканов, г. Москва.

«Выполнение старта — это его фирменное блюдо».

(Из спортивного
репортажа).
Прислал Н. Аладышев,
г. Саяногорск.

Ростислав САМОЙЛОВ

В 1975 году он впервые напечатался в «Крокодиле». Отец Славы, известный карикатурист Лев Самойлов, пошутил и оправдывался:

— Товарищи, я тут ни при чем. Он сам темы придумывает, сам рисует. Ей-богу, я ему не помогал.

И все-таки гены давали себя знать. Сейчас Ростислав утвердился как художник-сатирик со своей манерой, своим видением мира. Темы его рисунков, как правило, остры и злободневны. Основная его профессия — дизайнер.

Династия продолжается. Сын Ростислава Максим — на 1-м курсе Художественно-промышленного (бывшего Строгановского) училища.

ВСЕСОЮЗНАЯ
ордена „ЗНАК ПОЧЕТА“
КНИЖНАЯ ПАЛАТА
1990 г.
КОНТРОЛЬНЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР

221772

СТОЛ
ЗАКАЗОВ

— У вас продается славянский шкаф?
— Вы что, читать не умеете?

